

Петр Ингвин

16+

КВАЗДАПИЛ

История одной любви

Окончание диалоги

Кваздапил

Петр Ингвин

**Кваздапил. История
одной любви. Окончание**

«Автор»

2017

Ингвин П.

Кваздапил. История одной любви. Окончание / П. Ингвин —
«Автор», 2017 — (Кваздапил)

И смех, и слезы, и любовь, и много прочего. Окончание дилогии. Дизайнер
обложки: Галина Николаиди.

© Ингвин П., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Интерлюдии	5
Клин клином вышибают	15
«Моя Надя приехала»	24
Гормоны и гармония	30
Часть третья. Мурадоности	40
Пролог-напоминание	41
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Петр Ингвин

Кваздапил. История одной любви. Окончание

Интерлюдии

Осторожно, двери открываются

Чудес не бывает. И все же я верю в чудеса.

– Привет, – сказал я, распахивая дверь.

Мне никого не хотелось видеть, я никого не ждал, и кто бы ни пришел, открывать не тянуло. Из-за снов все время казалось, что происходящее со мной уже было, что любые слова повторяются, и кто бы ни пришел, встреча окажется вариацией знакомого сюжета. Я ошибся. За дверью близоруко шурилась, вглядываясь в темноту, хрупкая девушка. Лучше сказать – девочка. Если описывать одежду, то типовые блузка и джинсы ничего примечательного собой не представляли, а если ощущения...

Схваченные сзади в хвост длинные волосы были темными, но от нежной улыбки незнакомки становилось легко, тепло и светло. От девочки исходило необъяснимое обаяние, словно она – генератор положительных эмоций, что одним своим появлением дарит радость и поднимает настроение.

– Маша дома? – донесся тихий застенчивый голос.

– Нет.

– Странно, мы договаривались. Наверное, я пришла раньше. Подожду на улице.

– Стоять. – Я выскочил на лестничную площадку, как был, в халате и босиком, и перехватил за плечи собравшуюся уйти незнакомку. – Договаривались – значит, Маша скоро придет. Проходи на кухню, я созвонюсь и спрошу, где она.

В комнате взвыл знакомой мелодией мой телефон – сестренка меня опередила.

– Доброе утро, Санька, – раздался в трубке ее задорный голос. – Там Лелька Милованова должна подойти, а она такая зануда и перфекционистка, прямо как ты: если договорились на половину одиннадцатого, она и придет в половину одиннадцатого. Когда зайвится, скажи ей...

– Время – десять тридцать одна, она здесь. Передать трубку?

– Нет, просто скажи, что я бегу.

Прежде чем выйти к госте, я влез в джинсы и футболку.

– Маша сказала, что бежит, при этом забыла сказать, кто ты. – Наверное, стоило обратиться к «зануде и перфекционистке» на вы, но трудно называть ровесницу младшей сестры столь официально.

Гостья не обиделась.

– Мой папа – военный, из-за его работы мы часто переезжаем, на днях переехали в соседний с вами дом.

– Тогда давай, что ли, познакомимся. – Я набрал воздуха, чтобы представиться, но в последний момент задумался, как лучше назваться: полным именем или сокращенным.

После полного всегда следует переспрашивание, отчего приходится рассказывать историю про деда и желание родителей. Надоело, хотя дедом горжусь. Лучше эту подробность сообщать после, под настроение, когда рассказ действительно выглядит гордостью, а не скучной необходимостью. А сказать «Ксаня» или просто «Саня» – не слишком ли фамильярно? Я старше, и уменьшительное от полного имени покажется глуповатым (словно старик молодится) и, что еще хуже, со стороны может выглядеть как навязывание.

Паузу гостя приняла за ожидание и выпалила:

– Леля. А вас – Александрий?

– Леля, если ты подруга моей сестры, а я не кажусь настолько старым или официальным, чтобы вызывать жалость или желание вытянуться по струнке и обращаться строго по имени-отчеству, то давай на ты и по имени, хорошо?

Леля робко кивнула и, пылая ушами, вытолкнула срывающимся голосом:

– А вас... тебя зовут Кваздапиллом?

– Если хочешь, зови меня как другие – Кваздик.

Леля помотала головой:

– Прозвище резкое и колючее, оно тебе не идет. Лучше по имени.

– Договорились. А Леля – это, как мне кажется, тоже сокращение. Как будет полностью?

Гостя опустила глаза.

– В то время родителям нравились песни одной певицы, и меня назвали Лолитой.

– Лолита?! Кхм.

Имечко – с хвостом смыслов, особенно для девочки в возрасте нимфетки. И с внешностью нимфетки – существа переходного возраста, застрявшего на пути из детства в зрелость, а не юной женщины, как моя Машка, у которой в ее годы есть уже и грудь, и попа, и манеры такие, что мужики облизываются. Конечно, все девочки-подростки выглядят и ощущают себя по-разному, за рубежом их даже разделили на категории: бобби-соксеры (примерно до тринадцати лет, название появилось из-за белых школьных носочков) и тинэйджеры (примерно от тринадцати до девятнадцати). Набоковская Лолита была типичным бобби-соксером, как и сегодняшняя гостя, а моя сестренка, ровесница Лели – явным тинейджером с замашками на полноценную зрелость. Зрелость зависит от внутреннего мироощущения. Некоторые до конца жизни остаются детьми. Например, я с удовольствием вернулся бы в детство. Если бы мог. А большинство тинейджеров и даже некоторые бобби-соксеры, вроде упомянутого книжного персонажа, упрямо спешат во зрелость, как они ее себе представляют. Зачастую физическое взросление обгоняет умственное, не говоря о душевном, из-за этого случается множество неприятностей. Ломаются судьбы. Между прочим, обычай, позволявший выходить замуж в двенадцать лет, в не кажущейся нецивилизованной Англии упразднили только к тридцатым годам двадцатого века, а во Франции брачный возраст девочек с одиннадцати до аж тринадцати лет подняли не так давно по мировым меркам – во второй половине просвещенного девятнадцатого века. Хорошо, что эти факты остались вне внимания Машки, иначе мое старшинство отправили бы идти лесом на все четыре стороны. А про распространенный на юго-востоке обычай выдавать девочек замуж с девяти лучше не вспоминать вовсе.

Сейчас передо мной сидела не сестренка, и я спросил:

– А твои папа с мамой читали...

– Не читали. Им потом рассказали, но они считают, что певиц люди знают лучше, чем каких-то книжных героев, и проблемы в моем имени не увидели.

Ну и родители. Не любят читать, так хотя бы кино посмотрели. Назвать девочку Лолитой в честь певицы – все равно, что назвать сына в честь предка Пушкина, не зная о Ганнибале Лекторе, а этот персонаж ныне – тоже часть современной культуры, и каннибала Ганнибала, как мне кажется, люди знают лучше, чем обеих вышеупомянутых Лолит. С другой стороны, возмущившие меня родители воспитали серьезную умную девочку, от которой окружающим светло и тепло. Это многого стоит. Моих папу с мамой я очень люблю и на других не сменяю, но легкомысленной вертихвосткой Машкой на Лелю в качестве сестры я поменялся бы прямо сейчас.

Чувствовалось, что тема имени госте неприятна, и все же мне не терпелось узнать все до конца.

– Ты сама, как вижу, читала. Давно? Книжка Набокова – она не для маленьких.

- Пришлось.
- Не любишь читать?
- Наоборот, люблю.

Ответ порадовал. Машка читала редко, только из-под палки или когда о некоей книге говорили друзья и подруги.

– Что любишь читать?

– А когда ты делаешь утреннюю зарядку, какие упражнения больше любишь – силовые или на растяжку?

– Те и другие. – Вопрос поставил в тупик: как можно выбрать между, например, зимой и понедельником? – Они все полезны. Правда, иногда это зависит от настроения...

Зарядку я всегда делал тяп-ляп, только чтобы размяться. Сколько раз говорил себе: возьми себя за себя, и лишние килограммы как ветром сдует. Но каждый раз происходило то одно, то другое... То времени нет... То сил... То желания, отчего и случаются оправдания, что нет сил или времени.

Леля улыбалась, и до меня дошло: мой ответ был ответом на мой же вопрос.

– Правильно, – одобрил я. – Чтение – как занятия спортом: одно без другого вызывает перекосы в развитии. Но любимые жанры, наверное, есть?

– Фантастика и детективы. Хорошие фантастические книги развивают воображение, хорошие детективы – логику и смекалку.

– А плохие? – Я улыбнулся. – Не бывает, чтобы попадались только хорошие.

– Плохие развивают вкус.

Хорошее наблюдение. Пока не отравишься, вся еда кажется вкусной и полезной.

– А что скажешь по поводу Набоковского опуса с твоим именем на обложке? Понравилось?

Вопрос был с подвохом, я ходил по грани приличий, но не спросить не мог. Машка «Лолиту» не читала, хотя ей стоило бы. Впрочем, разве она поняла бы? Сюжет у книги омерзительный вплоть до вызывания рвоты, а самое важное сказано между строк.

– Как написано – понравилось, а о чем написано – нет.

– Я ответил бы так же.

Леля нравилась мне все больше и больше. Вот такие подруги нужны Машке, а не Даши с Наташами.

Я оглядел Лелю еще раз, с позиции не столько мужской, сколько отеческой.

Мелкая, худенькая, в отличие от Машки только собравшаяся распуститься, и не в плохом смысле этого слова, а в самом лучшем: как чудесный цветок, который будет нести людям радость. И опять же, поправка для морально хворых: визуально, а не физиологически.

– Можно задать отвлеченный вопрос? – Я подождал, пока Леля кивнет, и продолжил: – Меня интересует, какие у Маши подруги. Скажи, как ты относишься к курению... и, сразу уж, для кучи, к алкоголю?

Понимаю, что соврать легко, но почему-то казалось, что Леля обманывать не станет.

– Все это мне неприятно, а вообще каждый решает для себя.

Очень взрослый подход. Я вбил в тему «пить-курить-гулять» последний гвоздь:

– У тебя есть мальчик? Прости. Парень.

Леля вновь улыбнулась так, что в декабре расцвели бы подснежники.

– Все мое время. Мне кажется, сейчас мне нужно думать о другом.

– Расцеловал бы за такие слова, да закон не позволяет. Подождешь три годика?

Леля опустила глаза:

– Я о тебе слышала много, и мне кажется, ты очень интересный человек. Подожду.

До меня вдруг дошло, что я сморозил. Я же как бы намекнул, что однажды могу...

А мне ответили, что, возможно, это невозможное будет возможно.

Я сделал голос строгим:

– Братья есть?

– Нет. Две младшие сестры.

– Если кто-то обидит – знаешь, где меня найти. Без старшего брата трудно. Можешь считать, что теперь я и твой старший брат.

– Всегда мечтала о брате.

В коридоре хлопнула дверь, в квартиру ворвалось скрывавшееся под личиной моей сестры стихийное бедствие.

– Лелька, привет. Мой зануда еще не достал тебя нравоучениями?

Ну вот, оказывается, я тоже зануда. Рыбак рыбака...

Подхватив гостью, Машка утащила ее в свою комнату. Я остался на кухне. В воздухе витало ощущение странного счастья, тихого и безоблачного, не имевшего причины и не требовавшего продолжения. Мне просто было хорошо.

Через пять минут Маша вышла проводить Лелю. Я встал и остановился в дверях кухни – вроде как тоже провожал.

Леля обернулась ко мне:

– Пока.

От ее улыбки мир заискрился солнечными зайчиками.

– Пока. Захочется поговорить о литературе – я есть в соцсетях.

Машка удивленно перевела взгляд с подруги на меня и обратно.

– Заигрываешь с моим братом?

– Нет. – Леля обулась и открыла входную дверь. – Это он со мной заигрывал, а я дала понять, что, возможно, однажды буду не против.

Машка наморщила лоб:

– А я что сказала?

Леля ушла, Машка тоже – не вместе с Лелей, а по собственным делам, которых у нее всегда находилось больше, чем времени.

Я рухнул на кровать и уставился в потолок.

Бывают же такие люди – светящиеся, обаятельно-уютные, сиявшие внутренним солнцем. Люди-трансформаторы, одним присутствием перерабатывавшие любой негатив в чистый незамутненный позитив. Может быть, действительно, подождать несколько лет, и...

Дел на это время у меня найдется не меньше, чем у Машки. Когда душа болит, лучшее средство – работа. Вот и займусь.

Я перевел взгляд в окно. Мир бурлил, пел и чирикал, он звал на встречу с прекрасным и уверял, что все будет хорошо.

Я закрыл глаза. Все будет хорошо?

Почему нет? Пусть не сейчас, но когда-нибудь.

А разве я тороплюсь?

Говорят, когда перед человеком закрывается одна дверь, всегда открывается другая. Нужно только увидеть.

In

vino

veritas

Утро. Квартира родителей в родном городке. Все как обычно, если повторявшийся в разных вариациях яркий ночной бред считать нормой. Очередной сон закончился, вместе с ним развеялись надежды на возможное счастье. В лицо прямой наводкой било жгучее летнее солнце, на улице пели птицы, в квартире стояла тишина – родители на работе, Машка гуляла.

Спать больше не хотелось и, скажем так, не могло. Но я не вставал. Торопиться некуда, меня никто не ждет, я тоже больше никого и ничего не жду.

Не жду, но дождался. В дверь позвонили.

Гадать, кто пришел – бессмысленно, судьба умеет удивлять, об этом сказал сон с Лелей Миловановой. Интересно, откуда я про нее знаю. Не придумал же. Наверное, где-то слышал. Позже узнаю у Машки, и если окажется, что они с Лелей не настолько подружки, как в моем сне, надо этому делу помочь.

Звонок повторился.

А если не открывать?

Не буду открывать. Не хочу. Ничего хорошего и никто хороший ко мне не придет, а у других, кто может прийти, есть ключ. И никто мне больше не нужен. Оставьте меня в покое.

Я перевернулся лицом вниз и накрылся одеялом с головой.

Через минуту звонок раздался еще раз. Его сменил резкий стук. Еще через минуту стук, в свою очередь, сменился грохотом, от которого дверь дрожала и поскрипывала хлипким косяком.

А если сломают дверь?

И какой смысл не открывать? От судьбы не уйдешь. Рано или поздно за все в жизни придется платить. И если пришедшему от меня что-то надо, рано или поздно он своего добьется. Так же я звонил бы, стучал и бил в дверь, ломал ее или даже взрывал, если бы за ней прятали Хадю.

Хадя. Светлый луч моих грез. В моем окружении таких девушек нет, и появятся ли – неизвестно. Только Леля Милованова внушала надежду, что не все в жизни так плохо. В отношении Лели для меня плохо другое: ей еще расти и расти, и неизвестно кто ей будет нужен, когда она вырастет. Когда Леля расцветет, в ее глазах я буду выглядеть древним стариком. Наверняка, она найдет себе ровесника – намного лучше меня. В последнем не сомневаюсь. Я не подарок, и кое-какие положительные качества, которыми горжусь, с лихвой перечеркиваются недостатками. А от недостатков – все мои беды.

На стуле валялся банный халат, я накинул его на плечи, вышел в прихожую и отворил дверь.

Снаружи с бутылкой в руке топтался лысоватый мужик с бегающим взглядом. Стиль одежды хотелось назвать жанром, поскольку стилем не пахло, но жанр узнавался сразу. И пахло соответствующе. Брюки с давненько не глаженными стрелками составляли компанию кроссовкам, пиджак отлично чувствовал себя поверх спортивной кофты с молнией на вороте. Ударивший в нос перегар добавлял антуража к жанру «Выпить, закусить, и хоть трава не расти».

Наверное, сантехник или газовик. Впрочем, работники коммунальных служб в последнее время шеголяют в фирменных куртках с надписями. Контролер по каким-нибудь счетчикам? Или просто сосед, как подумалось вначале? В общем, передо мной стоял типичный работяга. Может быть, папин приятель с работы забыл, что сегодня рабочий день? Это объяснило бы, почему визитер прибыл с бутылкой. Но почему к нам? Папа не пьет. Вернее, он пьет как я – по чуть-чуть, пиво или вино, и только если повод серьезный.

Меня с головы до ног обжегал оценивающий взор, и мужик, глядя исподлобья, просипел:
– Егорыч?

Меня так не называли, но в нашей квартире и на всей лестничной площадке других Егоровичей не было.

– Да, – ответил я, – а что?

– Держи, тезка.

В мои руки перешла поллитровка с чем-то напомнившим подкрашенную марганцовкой воду. Этикетки не было, горлышко запечатывала воткнутая винная пробка.

– Что это? – не понял я. – Кому?

– Тебе. Наливка «от дяди Саши». Самое дешевое из самого лучшего и самое лучшее из самого дешевого, чем и горжусь. Никакой химии. От того, что купишь в магазине, можно

отравиться или утром голова болит, а от дядисашиных продуктов голова не болит и, тем более, он не отравит. То есть, я не отравлю. Дядя Саша – это я.

– Вы, наверное, перепутали адрес?

– Егорыч? – с подозрением переспросил дядя Саша.

– Вы точно пришли именно ко мне? Я, конечно, Егорович, но не Александр.

В глазах гостя появилось сомнение. Он выудил из внутреннего кармана пиджака смартфон (ни фига ж себе, а мой папа до сих пор кнопчным телефоном пользуется, чтобы не морочиться с освоением непонятных ему технологий), в меню был найден кабинет Сбербанка.

– Все точно. Гляди-ка: оплата на карту, денежка получена. Цивилизация! А это, – он ткнул себя в грудь, – срочная бесплатная доставка. Дядя Саша – фирма известная, это вам не фейсом об тейбл. Погоди. – На экране высветилось приложение сообщений. – Вот, гляди-ка: фирменная фруктовая наливка дяди Саши, ноль пять литра, Александру Егоровичу и твой адрес. Все точно. А если ты не Саша, то позови брата, это ему прислали.

– У меня нет брата. Может быть, там написано «Александрию»?

Дядя Саша отодвинул телефон на вытянутой руке, как делают близорукие, и сощурился, глядя в повернутый к себе экран:

– Алекса... Ох ты ж, вошкин кот, а ведь точно. Ну и имечком тебя папаня наградил. Значит, Алексей, это все же тебе.

– Во-первых, не Алексей, а Александий. Во-вторых, я не...

За моей спиной раздался звук, от которого я едва не выронил отдаваемую назад бутылку, которую дядя Саша очень не хотел принимать.

Так люди сходят с ума. Или, как минимум, падают в обморок. Или начинают верить в полтергейсты. Ведь дома никого нет! Но...

Открылась дверь родительской спальни. Хорошо, что открылась не сама, а человеческой рукой. Изнутри с виноватым видом появилась Машка в домашнем халате, за ее спиной прятался Захар.

– Спасибо, дядя Саша, – громко сказала сестренка, чтобы «срочная бесплатная доставка» услышала ее на лестничной площадке, – все в порядке, это мы заказывали.

– Ну, тогда бывайте, ребятки, и звоните, если что.

Он сбежал вниз по лестнице, а я, закрыв дверь, упер руки в бока:

– И как это понимать?

Интересовало, естественно, не столько появление в доме спиртного, сколько самих заказчиков.

Меня скрывала тьма прихожей, а Машка с Захаром светились в ярких лучах с кухни как на выставке. Машкины растрепанные волосы, по которым, в лучшем случае, прошлась только пятерня, полыхали золотом, а тонкий туго запахнутый халат сообщал гладкими обводами, что других тряпочек под ним можно не искать. На Захаре были джинсы и футболка – то есть, в целом, вид более чем приличный. Однако, босые ноги и отводимый взгляд намекали, что одежду парнишка натягивал наспех, и то, что должно быть под джинсами, сейчас оттопыривало карман. И запах, принесшийся из родительской спальни, окончательно добил – в резких пряных подробностях он очень мощно рассказал, что там отнюдь не книжки читали. Надеюсь, Машка додумается проветрить перед уходом.

Додумается обязательно. До сих пор нареканий не было, значит предыдущие приключения превратили Машку и Захара в профессиональных конспираторов, и родители, как и я, ни о чем не догадывались. В сказку, что игры в прятки сегодня устроены впервые, я не поверю.

– Пойти было некуда. – Машка виновато пожала плечами. – Я знала, что мамы с папой не будет до вечера. А ты спал.

– То есть, вы все это время...

Я хотел сделать выговор, но Машкин задор сбил весь пафос:

– Мы были как мышки, ты даже не слышал, что мы рядом. И я решила, что нечестно, когда нам хорошо, а тебе плохо. На что-то серьезное денег не хватало. Пиццу, если захочешь, ты и сам себе закажешь, к тому же, еда – это неинтересно. Мы вспомнили про знаменитую на весь город наливку, которую ты, наверняка, еще не пробовал. Дядя Саша – самогонщик из соседнего дома, где Захар живет.

Вот так. Юные любовнички угощают меня знаменитой на весь город наливкой. Зачем? Чтобы не мешал. Чтобы тоже каким-нибудь делом занялся. Например, пил в свое удовольствие. Тоже ведь дело. Многие отдают ему больше времени, чем работе и личной жизни.

А что брат? Брат не против. Сейчас не он хозяин положения. Почему бы, как сказала Машка, не сделать, чтобы хорошо стало всем?

Я прошел на кухню. Машка с Захаром по-прежнему мялись у двери. Чувствовалось, как им хочется вернуться к прерванному занятию, но они помнили, чем в прошлый раз закончились игрища такого рода в моем присутствии.

Прежнего запала у меня не было, он иссяк после гибели Хади. Глядя на Хадю, я воображал себя таким же правильным и, соответственно, правым. Это было не так. Убила Хадю именно моя неправильность, мое истинное нутро, которое скрывалось за маской правильности. Моя глупая принципиальность может убить и Машку, если сестре придется прятаться от брата. Совсем недавно мы с Машкой душевно поговорили, и я был уверен, что отныне она не сделает ничего, что заставило бы меня взяться за ремень или по-другому поднять на нее руку. Но возраст и гормоны никуда не денешь, их не отменишь простым желанием. И получалось, что выхода у меня не было, кроме единственного – неправильного, но в сложившейся ситуации казавшегося правильным. И как ни хотелось возмутиться распушенностью новой дворовой молодежи (в мое время, грин болелый, такого не было!), а ни слова не вырвалось по поводу их тихих развлечений.

Я нарезал хлеб и заглянул в холодильник. Он ничем новым не порадовал: в большом отделении дожидалась обеда и ужина кастрюля борща, на других полочках нашлись майонез, томатная паста, остатки сливочного масла и три вида варенья. У мойки для посуды стояла банка соленых огурцов. Небогатый выбор для закуски. На внутренней дверце холодильника, как всегда, стояла початая бутылка водки – в доме ее не столько пили, столько использовали как обезжиривающее и обеззараживающее средство. Вместо спирта. Дешево и сердито, и, как говорится, на любой вкус. В качестве спиртного ни я, ни Машка хранившуюся в доме водку не воспринимали. Сейчас в бутылке оставалось буквально на доньшке – видимо, к родителям заходил гость, для которого техническая, с нашей точки зрения, жидкость имела другую ценность. Не понимаю таких людей. Менять реальную жизнь на пришибленно-иллюзорную... Хорошо, что Машка тоже не такая. Плохо, что чересчур.

Я достал масло и варенье. Остальное содержимое холодильника не соответствовало жанру. Из откупоренной поллитровки с наливкой пахло фруктовым миксом и резкой, для меня неприятной, ноткой алкоголя.

Кажется, Машка нашла, наконец, довод, который позволил бы им юркнуть обратно за дверь. Она как раз набрала полную грудь воздуха...

– Чай с бутербродами будете? – опередил я.

Захар толкнул Машку в бок, отчего она чуть не поперхнулась, и оба кивнули:

– Не откажемся.

Долго не знавшие, как подступиться к решению своего вопроса – возможности продолжить сладкий тет-а-тет – Машка с Захаром обрадовались: у них нашлось временное занятие, а после совместных посиделок настроение у меня, возможно, повысится...

А ведь точно повысится, они постарались, даже потратились ради моего удовольствия. Надо отдать должное Машкиной сообразительности: если бы не они вышли ко мне, получавшему подарок от их имени, а я сам обнаружил в родительской спальне чувственные шуры-

муры, то результат, вопреки всем моим логическим выводам, мог скатиться к случившемуся недавно кошмару. Эмоциям не прикажешь.

Машка уселась за стол между мной и Захаром.

– Интриганка, – буркнул я не столько недовольно, сколько с признанием заслуг в упомянутой области.

Она ведь даже размещение за столом продумала – сделала так, чтобы злой сильный брат физически не контактил с раздражавшим его добрым нежным парнем. А я-то ее дурой обзывал. Три один в пользу сестренки.

На мой выпад она не обиделась, посчитав (и правильно) восхищением.

Я заметил, что чайник остался невключенным, а взгляды молодежи периодически постреливают в сторону бутылки.

– Уже пробовали? – спросил я.

Захар отвернулся, будто не понял вопроса, а Машка мелко кивнула, чтобы не развивать тему.

Из-за такой реакции мне потребовалось словесное подтверждение.

– И как вам?

– Вкусно, фруктами отдает. Ликер напоминает. – Осознав, что каждое лишнее слово становится чересчур лишним, Машка завершила: – Мы только пробуем, чтобы, если что, разговор поддержать. Как сейчас.

– Налить? – прямо поинтересовался я.

Захар сглотнул. Машка помотала головой:

– Мы не пьем. Ну, разве что по чуть-чуть...

– Нет уж, ребятки, нет – значит, нет. Чуть-чуть алкоголиков, как и чуть-чуть беременных, не бывает.

– Выходит, ты у нас алкоголик? – Машка состроила ехидную улыбочку.

Не найдя, что ответить, я вскипел:

– Чайник ставь, если пить хотите.

Что бы кто ни говорил, а сила – главный довод в любом споре.

Через пару минут мы уже поднимали в тосте «бокалы» – стакан и две чашки с чаем.

– За что? – спросила Машка.

– За нас всех. Чтобы у всех нас было все хорошо.

– А у нас с Захаром и сейчас все хорошо, – Машка чмокнула парня в щеку, – поэтому предлагаю выпить за тебя, Саня. Пусть все будет хорошо именно у тебя!

– Хороший тост, мне нравится. За меня и мое «хорошо»!

Я опрокинул в себя полстакана наливки.

Хорошо пошла. Заданное тостом «хорошо» уже стало сбываться.

Масла не хватило даже на три бутерброда, варенье мы мазали прямо на хлеб. И с чаем, и с наливкой сочеталось чудесно.

– Маш, у тебя есть одноклассница Леля Милованова?

Сестренка наморщила лоб.

– Нет, но фамилия знакомая. Милованова, Милованова... А-а, так это ж не моя, это твоя бывшая одноклассница из нашего двора. Насколько помню, она даже нравилась тебе одно время. Но Лелька давно не Милованова, она вышла замуж, сейчас периодически с коляской мимо нашего дома гуляет. У нее двойняшки.

Второй тост мы подняли за родителей:

– Без них нас бы не было. Пусть у них тоже все будет хорошо!

И снова всем стало хорошо.

– Кстати, о родителях... – Машка глянула на часы в телефоне.

– Скоро должны прийти? – Я сосредоточился на большом настенном циферблате, где вместо привычных арабских цифр были римские. Почему-то указанное стрелками значение до сознания дошло не сразу, мозг хотел отдыхать, а не работать. – С чего ты взяла? Они только вечером придут.

Маша умилительно поджала губки:

– Я имею в виду другое. Родители – это здорово. Это связь поколений. Это правильное воспитание и долг перед обществом. И нам с Захаром, и тебе однажды или не однажды предстоит стать родителями. Это очень важно и ответственно. Ты не возражаешь, если мы пойдем и немножко потренируемся?

Я долго продирался сквозь словесные кружева, а когда дошло, наливка от смеха едва не пошла обратно.

– Ну и сказанула!..

Машка вскочила, выталкивая перед собой Захара:

– Отдыхай, мы тебе не помешаем.

Пока я собирался с мыслями для ответа, дверь родительской спальни закрылась.

На ручке качалась бейсболка Захара.

Однако, выросла молодежь. Я и не заметил. Некогда было. Я все время личные проблемы решал. А теперь нету их, проблем, вместе с личной жизнью. И что же теперь, из-за своей неустроенности всем жизнь портить?

Я налил еще стакан, сразу до краев.

Когда за стенкой младшая сестра занимается взрослыми делами с посторонним парнем и о ее занятиях не просто известно, а иногда очень даже слышно – это просто жуть. Как сознание ни уговаривало себя, что девочка стала большая и что, видимо, время пришло, а душа требовала вмешаться и «не пушать». Сестренка воспринималась собственностью, на которую покушаются. Наверное, так родители видят детей – вечно маленькими и неотделимыми от себя. Я любил Машку и никому не дал бы в обиду. И она меня любила. И столько перетерпела из-за меня. Неужели я не отплачу добром за добро?

Осталось разобраться, что есть добро.

Я налил еще.

Бутылка кончилась подозрительно быстро. Испаряется, что ли? Не мог же я выпить столько один. Или мог? Тогда я крутой. Столько выпить – и ни в одном глазу.

Поллитровки оказалось мало, хотелось еще. Я достал из холодильника водку. Сейчас родительская логика мне была непонятна. Глупо и бессмысленно переводить приносящий радость продукт на протирание пятен и царапин. Менделеев был химиком, но водку придумал не для опытов, а для питья. А он, в отличие от моих папы и мамы, был гением в своей области, фигурой мировой величины. Чье мнение авторитетней?

Того, что плескалось на доньшке, хватило на два глотка – горьких и забористых.

Перед глазами возникло печальное укоряющее лицо. Хадя? А ну тебя к черту! Тебя нет. Ты кончилась еще тогда, когда сбежала, не дождавшись радостного известия. Ты меня предала! Меня, мою любовь... Иди к черту!

Мне хорошо. Выпью еще – будет еще лучше.

Как же просто стать счастливым. Каким я был дураком! И ведь все мне говорили, что дурак, а я не верил.

Кстати, почему раньше я не думал об алкоголе, как о решении проблем? Это ведь тоже выход, и еще какой! Простой и дешевый. Искать свое счастье в большом мире и строить его кирпичик за кирпичиком – намного сложнее. Даже не сложнее, а просто недостижимей.

Многие так и живут. И ведь живут, не вешаются. Почему я столько лет думал, что всех умнее? Счастье или справедливость при сотворении мира планом не предусматривались.

Я сделал несколько нетвердых шагов к родительской спальне:

– Ма-а-аш!

Активные движения и звуки поцелуев внутри прекратились, послышалось перешушукивание, и, наконец, раздалось:

– Чего тебе?

– Маш, а дядя Саша в какой квартире живет?

– В двадцать седьмой, а что?

– У него есть что-нибудь покрепче?

Клин клином вышибают

Как же шумит в голове... И стучит... И звонит...

Да выключите же дятлов и отбойный молоток!!!

Конечно, нет здесь никаких дятлов и перфоратора, это разбухшие мозги реагируют на внешние воздействия к черепу. Каждый писк – как тараном в колокол.

И опять – родительская квартира, я в майке и трусах лежу в своей постели, а по стене ползет утренний луч.

Не надо было столько пить.

Или...

Я похолодел. А пил ли я вчера? В застопорившихся мозгах все перемешалось. Что – правда, а что – нет?! Наяву ли приходил дядя Саша из соседнего дома, или это очередной глюк?

По ушам ударило – звонок в дверь, долгий, требовательный. От такого же, наверное, я проснулся.

Какая разница, кто за дверью? Я накинул на плечи банный халат, вышел в прихожую и громко спросил:

– Кто?

– Саня, это Даша.

Надо же. Даша. Честно говоря – странный визит. Машке она сначала позвонила бы. Значит, пришла не к Маше? Выбор кандидатур внутри за дверью невелик.

Я все же сказал:

– Маши нет

– Знаю. Я к тебе.

– Зачем?

Логичный, в принципе, вопрос по отношению к пришедшей в гости девушке прозвучал невежливо и даже грубо. Ничего, переживем. Лучше сразу определиться с целями и средствами, мы знаем друг о друге достаточно, чтобы не тешить себя иллюзиями.

Я поглядел в глазок. Даша подготовилась к посещению одинокого молодого человека. Волосы тщательно уложенными волнами ниспадали на плечи, красивую фигуру облегалли шорты и топик, под которым в лифчике пряталось однажды предложенное мне богатство. В тот раз я не оценил, а снаряды и судьба, как утверждает статистика, дважды в одно место не бьют. С чувством утраченного счастья взгляд на этой части Дашиных прелестей застрял надолго. Мне, возмечтавшему о блаженстве с лучшим человеком на свете и оставшемуся у разбитого корыта, нестерпимо хотелось вновь познакомиться с олицетворениями упущенных возможностей. Хорошо, что они не торчат под тонким топиком, словно короны на островерхих шлемах королей-рыцарей, а прикрыты защитой от чужих взоров. Это делало Даше честь. Например, Машка в последнее время на такие «мелочи» внимания не обращала, потому столько внимания обращали на нее.

Впрочем, для смущения глаз хватало и длинных голых ног Даши. Ее шорты лучше бы уменьшительно назвать шортиками или даже шортишками – они окружали бедра узкой полосой, открывая гладкий животик вплоть до опасных пределов, а снизу, я уверен, стоило Даше повернуться ко мне спиной, и шортики покажутся полосой ткани поперек сдобной мягкости. Не понимаю я этой девичьей мании показать всем все. Во времена родителей показом задницы люди оскорбляли друг друга, оголением возмущались, и оскорбленный, если мог, в меру сил и фантазии наказывал оскорбившую особу. Может быть, в девчоночьих организмах активировались какие-то гены, мечтавшие о наказании?

Окончания ног глазок не показывал, но там должны быть кроссовки или что-то легкое – судя по солнцу в окнах, погода сегодня стояла невероятно теплая.

– Маша сказала, что тебе плохо, и я подумала... Прости. Наверное, я не вовремя. Лучше я уйду. Зря я пришла.

Маша права, мне было плохо. Ох, Маша, Маша, добрая душа. О себе бы так заботилась, как о брате.

Но ведь заботилась, несмотря и вопреки. Ей памятник нужно ставить прижизненный, а не ругать. Разве я, например, думал о сестренке, когда мне было особо хорошо или плохо?

Щелкнул отпираемый замок, я посторонился. Дверь захлопнулась за вошедшей Дашей.

В прихожей царила тьма – открывая дверь, я забыл про свет, а теперь выключатель загорживала спина Даши.

– Я только на пару слов. – Она стояла передо мной, почти такая же высокая, как я, взбужденная, с опущенным взглядом. – Мне нужно кое-что сказать. Не прогоняй меня, хорошо?

Я как бы и не собирался. Если впустил – зачем прогонять?

А зачем впустил? Маша сто тысяч раз права. Мне было очень плохо. Жизнь разрушена, над руинами вился дымок сгоревших надежд. В таком состоянии люди беспробудно пьют, бросаются в окно или пишут стихи.

Как недавно выяснилось, Маша писала стихи. Если, конечно, это был не сон. Неужели ей было настолько плохо? А я, родной брат, не знал. Меня в это время занимала собственная судьба, и даже мысли не возникло отвлечься на переживания близкого человека. Что я сделал, когда узнал о проблемах сестренки? Пожалел? Встал на защиту?

Я высек сестру ремнем. Фактически, я высек себя. За свое нежелание видеть главное. За невнимательность к близким. Прости меня, Маша, если сможешь.

Даша собралась с силами.

– Можно быть с тобой честной?

Что люди ожидают ответить, когда задают такие вопросы? «Нет»?

Я кивнул. Даша быстро заговорила:

– Не хочу юлить и играть в глупые игры. Тебе плохо. Мне тоже плохо. Мне тоскливо и одиноко так, что хоть вешайся. Когда Маша сказала, что ты дома, что с Надей у вас не сложилось и теперь ты очень переживаешь, я решила зайти. Причина проста. Ты не такой как все.

Нас разделяла ширина коридора, примерно полметра. Как говорится, на расстоянии вытянутой руки. Если вытянуть, то не просто коснешься, а...

Мне было так плохо, что коснуться хотелось просто очень. Ко мне, зная о том или нет, пришло лекарство от хандры. Клин клином вышибают. Понимала ли это Даша?

Она продолжала:

– Ты умеешь сказать «нет» приятно, потому что оно приятно лишь на вид, а пахнет плохо. Ты думаешь на шаг вперед. Ты готов жертвовать своим счастьем ради счастья близких. Я ничего прошу. Я понимаю, что пришла слишком рано и ты не готов к такому, и, как обычно, будешь сопротивляться... но потом будет поздно. Мне ничего от тебя не нужно. Я просто хо...

Последние буквы и слова заблудились в лабиринте встретившихся губ. Расстояние вытянутой руки – это очень мало.

– Кто-то пришел!

Хлопок входной двери выкинул нас из постели. Это могла быть только Маша, для родителей слишком рано. Я предвидел, что сестренка может вернуться, поэтому раскиданные по квартире вещи мы забрали с собой в комнату. Только розовые кроксы у порога выдавали, что у меня гостья.

– Родители?! – Даша спешно расправляла в руках спутавшиеся трусики, те сопротивлялись, она отбросила их и влезла ногами сразу в шорты.

Правильно, более мелкое можно спрятать и надеть потом, когда опасность минует.

– Маша вернулась.

От моего ответа у Даши на лицо вернулась жизнь.

Я собирал с полу свидетельства бурного времяпровождения. На мне было уже четвертое, и я чувствовал, что сегодня готов на большее. Вместе с надорванными упаковками получилась большая горсть мусора, я едва успел сунуть все это под кровать и замотаться в подобранное с пола ворсистое покрывало, когда раздалось:

– Привет, мы дома!

В испуге, что дверь в любой миг распахнется, я оглянулся на Дашу. Она сидела на кровати в незастегнутых шортах, на меня пялились открытые круглые груди, которые я успел намать и нагладить на годы вперед... а желание продолжать мять и гладить до сих пор не пропало.

Мою сестренку Даша не стеснялась. Сопроводять Машу мог только Захар, а в его компании Даша и другие дворовые девчонки играли и в более откровенные игры. Думать об этом было неприятно. А смотреть, наоборот, приятно. Странно же, однако, устроена мужская физиология.

Двойные шаги переместились из прихожей в кухню.

– Ты не одна? – громко спросил я.

Нужно знать точно, кто есть в квартире. Догадки догадками, но знания – сила. А сила в нашем доме – это я. Пусть так и остается.

– Здравствуйте, – донесся голос Захара.

– Привет.

– Не волнуйтесь, – объявила Машка звонко и задорно, с лукавой интонацией, – не побеспокоим.

– А почему, собственно, мы должны волноваться? Мы ничего такого не... – Я оборвал себя, поняв, какую глупость сморозил.

Лучше бы поблагодарил или признался честно. Не надо, чтобы сестренка сейчас входила. Тем более, с Захаром. Но было поздно.

– Тогда не возражаешь, если я кое-что возьму? – Нарочно громкие шаги стали приближаться.

Хоть за это спасибо.

– Одну минуту! Не входи!

– А-а, я же говорила! Скажешь когда можно.

Шаги замерли у самой двери.

– Накройся! – прошипел я Даше.

Она пожала плечами и влезла под одеяло.

– Можно, – сказал я.

В приоткрывшуюся щель заглянул один глаз, затем дверь открылась полностью и вошла улыбающаяся до ушей Машка – по одеянию точная копия Даши до момента, когда одежда стала нам не нужна. К чести сестренки, на этот раз ее шортики были длиннее и закрывали тело до середины бедер, а топик, как я и думал, по обыкновению не столько прикрывал, сколько демонстрировал. Бравата своими достоинствами казалась Машке нормальной, и даже родители перестали протестовать, когда замечали. Тинейджеру надо как-то выделиться из толпы таких же, а как это сделать – он не знает или не хочет знать. Работать над своим внутренним миром – долго и тяжело, а результата хочется сразу. В общем, тинейджер – он и в Африке тинейджер, и хоть разбейся, но ничего не изменишь.

– Привет, Даш. У меня просто фантастический брат, правда?

– Ага. – Укрытая по горло, Даша покосилась на меня с кровати.

Я по-прежнему изображал римского патриция в тоге – с волосатыми ногами, всклокоченной головой и недовольным взглядом, поскольку патриций чрезвычайно возмущен вторжением варваров, отвлекшим государственного мужа от важных дел.

Машка вытащила что-то из шкафа и на цыпочках, как бы с издевкой, но, скорее, от души забавляясь, осторожными шагами направилась обратно к двери. Будто в комнате все спят, а она боится разбудить. «Меня здесь нет», – говорил ее вид. Так и хотелось влепить смачного «леща». Я переборол желание. Машка – умница, хотя и паршивка, каких свет ни видывал. Одним словом – сестра. Люблю, горжусь, ненавижу и придушить готов. Все в порядке, ничего не изменилось.

– Больше не побеспокоим.

Дверь за Машкой закрылась. Нас предоставили самим себе. Даша откинула одеяло:

– Иди сюда!

Шорты она сняла быстрее, чем я свою «римскую тогу».

– Тихо! – умолял я.

– Да ладно тебе, Маша уже большая.

– Именно поэтому.

Приходилось сдерживаться, что еще больше распяляло. Утробное рычание и стоны я глушил, зарываясь лицом в зыбь жаркой груди, а Даше закрывал рот ладонью, которую она то облизывала, то кусала. Кровать под нами нещадно скрипела, с этим я ничего сделать не мог. Других вариантов для горизонтального счастья комната не предоставляла. Переместиться на пол мы пробовали, но фантазии не позволял разгуляться узкий проем между кроватями. К тому же, там оказалось грязно и пыльно. Для меня стало открытием, что внешне чистым пол лишь выглядел, а правды не узнать, пока не раскинешься на коврикe потным телом и не проведешь руками или ногами по окружающему линолеуму.

Сдвигать кровати я не решился, это была бы наглость из серии «нагадить кому-то под дверь, постучать и попросить бумажку». Если так сделаю я – чего ждать в ответ от дерзкой сестренки? Я должен быть сдерживающим фактором, а не наоборот.

Обидно, что решение – простое и гениальное – изначально было на виду. Я в упор его не замечал, поскольку мысли сбежали в другое место. А надо было всего лишь пройти в родительскую спальню. Мама с папой вернутся не скоро, а у них – шикарный раскладной диван. До покупки новой кровати семья так и не созрела, тем более что после рождения второго ребенка детская комната навеки закрепилась в статусе спальни. Родительская спальня с тех пор исполняла роль гостиной, там всей семьей смотрели телевизор, вели общие разговоры и встречали гостей, с которыми не получалось скромненько посидеть на кухне.

Теперь менять расположение поздно.

– Ты так боишься, что кто-то войдет. – Даша яростно извивалась подо мной, и закатившись глаза, иногда на миг возвращавшиеся из ликующего небытия, замечали мои косые взгляды на дверь. – Почему не поставить на дверь замок? Хотя бы простую защелку изнутри. Сколько нервов сохранили бы.

– Не было ни причин, ни желания. У нас никто не войдет в чужую комнату без спросу.

«В чужую». По новым временам мы находились в комнате сестры, теперь я здесь гость.

– А Маша жаловалась, – выдохнула Даша. – Если бы ты в свое поставил замок, ей было бы намного проще. Не представляешь, как трудно жить, когда у тебя нет безопасного личного пространства.

Как житель комнаты на шестерых, я мог бы поспорить...

В это мгновение внутренние ощущения перевесили внешние, и меня вынесло из реальности в многосерийное кино про извержение вулкана.

Даша оказалась чудесной партнершей. Она не играла роль, а жила полной жизнью. Ей нравилось то, что происходило, и она не скрывала ни чувств, ни желаний. Оказалось так здорово не задумываться над своими мыслями и, тем более, действиями, а просто делать то, что

хотелось. Мне нравилось то, что я делаю, а партнерше нравился я и нравилось, что я делаю, и мне до безумия нравилась раскручивавшаяся по спирали и уходившая в бесконечность мысль об этом.

Нравилась ли мне Даша как человек? Физически – очень. Об остальном я старался не думать. Например, бывает сахар, а когда его нет, то можно воспользоваться заменителем – каким-нибудь сахарином и так далее. Нет денег на сливочное масло – берешь маргарин. Почему раньше входные двери отделявали дерматином, а не натуральной кожей? Кожа – она дорогая, вложишься в покупку – а она истреплется или порвется, или ее украдут, а на новую не будет денег. Каждый пользуется тем, что ему по средствам. Я мечтаю о мощном игровом ноутбуке, а сижу, между тем, за обычным, и даже на него пришлось брать кредит.

Даша – такой же заменитель. Как пишут на этикетках, «аналогичный натуральному». На другое у меня, образно говоря, не хватило средств. По правде сказать, я и аналога не заслужил, который шел привеском к главному призу, но приз оказался не по карману или не по размеру.

Истинная красота, душевная и физическая, – в гармонии. И в незаметности. Она не бросается в глаза. Аналог сразу отличишь по вырвиглазной яркости, блескам и чрезмерному аромату. В дешевый продукт добавляют усилители цвета, запаха и вкуса. Зачем? Чтобы походил на идеал. Точнее, чтобы его приняли за идеал.

Даша неидеальна. Как ни странно, меня это радовало. Я тоже далеко не идеален. Для красоток вроде Насти и Люськи, которым по внутренним качествам до желаемого мной идеала было как Сизифу до вершины, я не представлял вообще никакой ценности. Понижая планку красоты до уровня, где мной интересуются, до каких глубин я дойду? Ни во дворе, ни в школе, ни в институте очереди за мной не выстраивались. Вывод прост. Надо радоваться тому, что предлагает жизнь, а не гнаться за недостижимым идеалом.

Я неожиданно понравился человеку, который мне тоже во многом нравится. Что может быть лучше?

Мы откинулись на подушку – две головы висками друг к другу, с перепутавшимися волосами, с прижатыми руками и бедрами.

Все было отлично – настолько, что не верилось. Впервые за долгое время я был счастлив. Счастье нашло меня само. Мне не нужно было ничего делать, только плыть по течению.

А ведь это и есть счастье в понимании большинства. Ничего не делать, и чтобы само пришло. У меня сбылась чья-то мечта. Я хотел иного, а получил это. Стало любопытно: это мне возмещение предыдущего морального ущерба (не награда же за что-то, в самом деле) или случайность? Пути Господни, как известно, неисповедимы.

А может быть, все к этому шло? Даша – человек моего мира, моей культуры. Я понимаю ее поступки, даже если понимать их неприятно. Она так же понимает меня. Мы с ней живем по одной морали, как это ни противно для определения морали.

Мне было хорошо. Просто и беззаботно. Ничего не хотелось делать. Ни о чем думать. Я играл пальцами с красной пипкой, то напрягавшейся, как разгневанный вахтер, то разморенно расслаблявшейся и не обращающей на мои действия никакого внимания – позволявшей хоть тереть, хоть гладить, хоть щипать.

Впрочем, любое действие, если оно делалось не механически, а с душой, приносило результат, и охранявший белые сладости «вахтер» на красном пяточке опять вставал на стражу.

Лишняя жидкость потребовала выхода. Юная парочка голубков затихла на кухне, и только сейчас я, потерявший счет времени, заметил, как подозрительно тихо они себя ведут.

– Накройся, – приказал я Даше.

Она показала мне язык, потрясла завибрировавшей грудью, как цыганка в танце, но послушно спрятала белую роскошь под одеяло.

Я надел трусы и открыл дверь. У себя дома стесняться посторонних и создавать себе неудобства не хотелось. В конце концов, ни для кого не секрет, что происходит в нашей комнате. Имею право ходить просто в трусах.

На кухне было пусто, на столе одиноко стояли две чашки с чаем – наполненные и забытые. Я перевел взгляд в прихожую. Машкины серо-белые кроссовки и более внушительные черные стояли рядом с кроксами Даши. А на ручке двери родительской спальни висела бейсболка.

Первый позыв – вознегодовать и в праведном гневе качать права старшего брата, который отвечает за моральный облик сестренки-несмышленки.

Хорошо, что у трусов нет ремня. Я медленно выдохнул. Нельзя поддаваться чувствам. Слова, какими бы ни были, всего лишь врут, а эмоции доводят до беды. Нужно отстраниться от того, что взбесило, досчитать до десяти и дальше разбираться логически.

Если подумать – что, собственно, такого происходит? Девочка выросла, она девочка только для родителей и для меня, привыкшего ее опекать. На самом деле Машка уже взрослая. Если быть с собой честным, то я развлекаюсь с первой же особой женского пола, которая дала мне такую возможность, и просто удовлетворяю физиологические потребности, а Машка проводит время со своим парнем – именно со своим, постоянным, который ее любит и доказал это. У них отношения. У таких отношений иногда бывает будущее. Иногда на всю жизнь. Сравним это с моей ситуацией. Я сплю с девушкой, подругой сестры. Хорошо хоть, что подруга на несколько лет старше и явно совершеннолетняя. Конечно, общение с такими подружками не прошло даром, и сестренка повзрослела раньше, чем мне хотелось бы. Но это ее жизнь, ее выбор. Вот и получается, что сегодня Машка, ищущая возможности уединиться с постоянным парнем, моральнее меня, очень больно учившего ее жизни без какого-либо права на это.

А она меня не укоряет. Она желает мне счастья и радуется за меня. Ей хорошо от того, что мне хорошо. Кто из нас прав?

Я отвернулся от двери, за которой царил мертвая тишина (там, наверняка, услышали мое появление и теперь изображают памятники перед открытием), и пошел в туалет.

Физическое облегчение принесло за собой моральное. На душе полегчало.

Не мое дело лезть в жизнь сестры и, тем более, портить ее. Мое дело – указывать на опасности и помогать, если указание запоздало или было понято неправильно.

Шумно работал слив, я помыл руки и вышел.

Дверь родительской спальни распахнулась, оттуда выскочила сестренка. Свободной рукой она прикрывалась снизу. Надеть на себя хоть что-то Машка не удосужилась. А действительно, зачем? Чего я там не видел после экзекуции на квартире с «Надей»? Зато расставлены точки над *i*: мы, дескать, занимаемся тем же, что и вы, мы об этом знаем, вы об этом знаете, к чему же лишнее ханжество разводить?

Что на это сказать? Машка – сестра своего брата, кровь от крови. У нее те же мысли, с которыми я гулял по квартире в одних трусах: «У себя дома стесняться посторонних и создавать себе неудобства не хотелось...»

В проеме двери виднелся разложенный диван родителей. Раскинувшийся на нем Захар резко прикрылся простыней.

– Оденься! – запоздало крикнул он Машке.

Поза, голос и выражение лица дали понять, что ему небезразлично, в каком виде его девушка шастает по квартире. Пусть эта квартира – ее дом, но в доме есть ее брат, не говоря про еще одну особу непонятного положения, но тоже явно горизонтального. Звук опорожненного мной бачка, через минуту после которого выскочила дожидавшаяся освобождения туалета Машка, подразумевал, что брат выходил из спальни и, возможно, туда еще не вернулся, и сестренке действительно следовало одеться или немного подождать. Но это же Машка, и этим, к сожалению, все сказано.

– Да ладно тебе, – отмахнулась она от Захара, как от назойливого комара, поморщившись от назидательного тона и излишней заботы, – Санька и тебя без штанов видел, когда ремнем по квартире гонял, и это не говоря про фото. Вот уж денек тогда выдался...

Дверь родительской спальни, наконец, закрылась, и с истерическим смешком Машка прошмыгнула мимо меня, застывшего столбом, к освободившемуся заведению.

Вновь до чесотки в ладонях захотелось дать ей вдогонку «леща». Благо, плацдарм для внезапного удара был предельно расчищен и прямо-таки просился под силовое воздействие. Не ремня же, в самом деле? Девочка выросла, ремень отменялся на веки вечные.

Именно то, что девочка выросла, заставило меня вернуть поднявшуюся руку на место. Не хотелось попасть в двусмысленное положение. Шлепок по заднице нашкодившей сестренки – это одно, а касание мужской пятерни обнаженной пятой точки красоты вроде той, какой стала Машка, если глядеть на ситуацию со стороны...

За моей спиной Машка изменила маршрут, опередила меня на пути к бывшей нашей с ней, а сейчас моей с Дашей спальне, и сунула туда любопытный нос:

– Я придумала новую игру! Сыграем потом все вместе, такого еще не было: будем играть в карты на одевание!

– А ремня не хочешь?

– Отличная идея! Сыграем на «дать ремня»! И уж тогда я отыграюсь за прежнее!..

Я не выдержал, ладонь взвилась в замахе.

С хохотом Машка увернулась, поскольку я постарался промазать, и юркнула за дверь туалета. Установилась благословенная тишина.

Я вернулся к Даше. В голове звенела пустота. Мир вокруг стал неконтролируемым, и мне не нравилось то, что происходит.

Нет, кое-что нравилось. Даша ждала меня накрытая одеялом, и едва дверь захлопнулась, все лишнее было отброшено – нам не требовались посредники. Мы оба хотели видеть и чувствовать, и все, что этому препятствовало, воспринималось как личный враг.

Но меня грызли сомнения. Я присел рядом с потянувшейся ко мне Дашей. Ложиться не стал, просто погладил ее по растрепанным волосам:

– Не знаю, что делать. И не знаю, надо ли что-то делать. Мне не нравится чрезмерная раскрепощенность Машки, так не должно быть. У тебя есть брат?

Даша опустила глаза.

– Нет.

В короткое слово она вложила столько тоски и отчаяния, что у меня мурашки пробежали. Одна в целом мире... Некому защитить, некому приласкать, некому обнадежить и утешить...

Все же хотелось выяснить волновавшее меня, и я продолжил:

– Если бы у тебя был брат – ты бегала бы перед ним нагишом?

– В детстве все братья и сестры бегают нагишом друг перед другом.

– В том и дело, что детство кончилось.

– Детство заканчивается, когда начинается ответственность. Маша всегда думает, прежде чем что-то сделать. Разве она делала что-то такое до сегодняшнего дня?

В отношении меня – нет, но за ней тянулся целый хвост неприличных приключений...

Я знал это из фотографий и видеозаписей. Почему дошло до того, что снимки и записи такого рода появились на свет? Сильный брат, который мог не допустить, был далеко, и до сестры, вступавшей во взрослость, ему не было дела. Родители вечно на работе. Маша осталась с суровой жизнью один на один, ей приходилось самой решать любые проблемы. Иногда ее решения были не лучшими, но откуда мне знать подробности и, особенно, то, что творилось у Машки на душе? Возможно, стоило бы порадоваться, что она не вскрыла вены и, после всего, осталась нормальным человеком.

– Не делала, – признался я. – Она очень повзрослела. Теперь я ее просто не понимаю.

– И не надо. – Даша прижалась ко мне сзади. – Она делает, как считает нужным. Ты всегда поступаешь так же. Результаты и действия у вас не всегда одинаковы, но это и здорово. Захар любит Машу за то, что она именно такая. Если она изменится, то это будет не Маша, а кто-то другой. Ее поведение – это именно ее поведение. Тебе что-то не нравится в ней? Просто скажи ей об этом!

Меня оплетали теплые руки, по спине расплывалась мягкая грудь, шею щекотали губы и волосы, в ухо втекал жаркий шепот. Смысл с трудом пробивался сквозь завесу удовольствия, но он нравился мне не меньше. Все, что говорила Даша, было верно от первого слова до последнего.

– Саня, каждый из нас видит мир по-своему, но мир-то – один! Благодаря тебе Маша стала другой – лучше и спокойнее. Не укоряй ее и не думай о ней плохо. Ну, выскочила без белья, но посмотри вокруг: обстановка здесь у нас настолько интимная и своя, что ей такой поступок показался нормальным. Никаких глупостей у нее на уме нет и быть не может. Ну, если только она старается позлить тебя немножко... Не может простить того ремня. Прости ее.

– Простить не проблема, я уже простил. Но она же снова нарывается!

– Просто не понимает, что тебя это нервирует. Наивным способом Маша показывает всем вокруг, насколько ей хорошо, когда ты рядом. Неужели ты не видишь главного? В твоём присутствии она ничего не боится и ничего не стесняется, она может быть просто собой, ей не нужно притворяться правильной или примерной, ты знаешь и терпишь ее настоящей, а если потребуется – защитишь. С тобой она чувствует себя в безопасности. Эту уверенность даешь ей ты – лучший брат в мире.

Лучший брат в мире – я? Серьезно?!

А действительно, Даша права в каждом слове: каждый Машкин поступок говорит, что со мной она ничего не боится и ничего не стесняется, при мне ей не нужно притворяться, потому что я знаю ее настоящей. И если потребуется – защищу. «Неужели ты не видишь главного?» – мелькнул в речи Даши хороший вопрос. Кажется, я увидел.

А Даша продолжала:

– Думаешь, почему я приехала домой, а не осталась в областном центре? Потому что сюда вернулся ты. Таких, как ты, я больше не встречала, мне с тобой хорошо и спокойно. Ты особенный. Любой, кто рядом с тобой, чувствует себя защищенным и неодиноким. Я хочу быть с тобой до тех пор, пока не прогонишь. Ничего не отвечай, пожалуйста. Когда надоем – скажешь «уходи», и я уйду, а до тех пор – молчи. Мне достаточно твоих рук и поцелуев. И твоего присутствия в одной комнате. На одной улице. В одном городе.

Слова – как бальзам на рану. Неприятно зацепила фраза «Пока не прогонишь». Проблема в том, что такие люди, как я, не прогоняют. К нам, вот таким, приходят, от нас уходят. Мы терпим, оправдываем и защищаем. Вряд ли Даша об этом не знает. Тогда получается, что она все продумала, и замечательная речь – наживка на крючке, чтобы рыбка клюнула. А там – подсекай, тащи и потроши, он твой навсегда.

Впрочем, я тоже могу выгнать. Есть одно необходимое условие. Я вряд ли прощу, если у той, которая рядом, параллельно будет кто-то еще. Даже если один раз. И любые обстоятельства, в которых этот кто-то может появиться, меня нервируют.

Даша интуитивно почувствовала, о чем я хочу услышать.

– Пока ты меня не прогонишь, мне не нужен никто другой. Я не прошу верить на слово, но это так. Я докажу своей жизнью. Единственный мой приработок на сегодня – разовая работа в клубе, но я брошу эту работу. Брошу все и всех. Только скажи.

– Брось, – сказал я.

Это был ответ сразу на множество невысказанных вопросов.

Казалось, Даша не верила, что я это произнес. У нее навернулись слезы.

– Уже бросила. – Она улыбнулась: жалобно, умоляюще, с надеждой.

Ей требовалось подтверждение. Намек, даже прямой – еще не ответ.

И я улыбнулся в ответ.

– Спасибо! – Даша навалилась на меня, по коже в самых разных местах пронесся шквал жадных многообещающих поцелуев.

Я тихо радовался жизни. Это не то, о чем я мечтал, но непредставимо лучше, чем я мог мечтать после всего, что случилось.

Теперь я буду с Дашей. Мы друг друга стоили. Оба через многое прошли, много повидали. Оба умели терять и проигрывать. Если подумать, то из нас получится отличная пара.

Вру. Она уже получилась. Без любви, без души, на чистом расчете и удовольствии.

Разве нужно что-то еще? Так живут миллионы, если не миллиарды. Нам было хорошо здесь и сейчас. Что это, если не счастье?

Внутренний голос что-то бубнил, но я его заткнул. Пусть молчит, когда взрослые разговаривают. А то ремня получит. У меня в этом плане опыт большой.

«Моя Надя приехала»

Ну и сны. Сколько можно? Может, мне и это снится? Я сунул руку под одеяло и ущипнул себя.

Больно.

Это ничего не значит, я уже щипал себя раньше, и тоже было больно. Так же проверена версия про удивление. Обманывают нас господа ученые, на самом деле человек во сне удивляется, и еще как. Это не показатель. Другое дело, что позже проснувшееся сознание недоумевает и ужасается, почему откровенную чушь считало чем-то нормальным. Но удивления во сне тоже хватало. Как и боль, оно ничего не значило.

Во снах ко мне все время кто-то приходил. Если приходила девушка – все получалось замечательно. Может, это намек, чтобы и я куда-то ходил и что-то сделал, чтобы в реальной жизни тоже стало все замечательно?

Для начала нужно заставить себя встать.

А зачем? Что меня ждет? Очередные долгие часы в тоске и одиночестве. Что бы я ни сделал, Хадю не вернуть.

А Дашу? Созвониться и пригласить ее куда-нибудь – глядишь, и вышло бы что-то путное, как во сне.

А разве оно было путное? Даша – путная?!

Второй вопрос: а я сам – путный?

То-то и оно.

Чтобы забыть любовь или хотя бы как-то от нее отрешиться, существуют водка и другие девушки. Надо проверить, вернулась ли Даша, как это было в моем сне, или осталась в областном центре. Спрошу у Машки, когда вернется. Звонить ради этого не стоит, а то сестренка посчитает праздное любопытство за прямой интерес к подруге.

А разве он не прямой? После такого сна...

Все мысли распугал звонок в дверь. Даша?!

Одна часть сознания стремилась туда, во тьму прихожей, вторая требовала остаться. Но какой смысл оставаться и продолжать жалеть себя, непутевого? Зачем жить прошлым, которого не воротить, если возможно сладкое бурное будущее?

Меня останавливала любовь. Любовь не умирает, а объект любви – да, к сожалению. Можно похоронить себя вместе с ним, а можно жить за двоих.

Моя любовь жива, и она говорит: ты должен быть счастлив вопреки всему. И если заставить себя быть счастливым, то однажды...

Хватит переливать из пустого в порожнее. Меня вынесло из постели. По пути в прихожую руки вделись в банный халат, и когда дверь приглашающе распахивалась, я завязывал на животе узел.

Глаза отказались верить.

– Ха...

– Тсс!

Приложив палец к губам, Хадя шмыгнула мимо меня в квартиру.

Яркие брюки и кофта, прямые длинные волосы вместо еще более длинной косы – она стала другой, но узнал я ее раньше, чем увидел изменения.

Дверь закрылась. В полутьме прихожей нас бросило друг другу в объятия. Мир растворился, словно был сном.

Нет, на этот раз сном было все остальное. Наш поцелуй стоил жизни. Живая Хадя была в моих руках. Она любила меня.

Явь оказалась лучше сна.

– Ты голый, – улыбнулась Хадя, когда в тесной возне мой плохо завязанный халат сам собой распахнулся, и руки Хади, под халатом скользнув мне за спину, обвили и прижали не менее крепко, чем я прижимал ее к себе.

– Ты под одеждой тоже голая. – Не лучшая тема для первых слов после невозможной встречи. Я срочно исправился: – Ты откуда? Я слышал...

– Посторонние думают, что меня похоронили, но никаких похорон не было, просто свадьба не состоялась. Слухи ходят разные, но это слухи. Дома я рассказала родителям о нас с тобой, и они, хоть не поверили сначала, а потом долго негодовали, в конце концов смирились и поняли меня. Они все утрясли, и сейчас я свободна.

– Это стоило денег?

– Больших. – Хадя посерьезнела на миг, но радость и мои руки заставили забыть о неприятностях, хотя бы временно. – Что может быть дороже счастья и жизни? Плохая живая дочь – лучше чем хорошая мертвая. Совсем недавно они потеряли Мадину. И Гарун был на моей стороне. Он очень хвалил тебя, рассказывал, как ты любишь меня. Втайне от всех он привез меня сюда. Родители скажут всем, что я вернулась на учебу, а потом – что собралась делать карьеру. Постепенно слухи утихнут, и можно будет заговорить о свадьбе. Мои родители – современные люди, они понимают, что в жизни возможно даже невозможное. Они хотели мне другой судьбы, но примут любую, которую я выберу сама. А я выбираю тебя.

Счастье переливалось через край, и все же я нашел силы спросить:

– Разве мусульманкам можно замуж за немусульманина?

– Какая разница, кто есть кто? Мы живем в двадцать первом веке. Никто не заставит меня жить с человеком, которого я не люблю.

– Но ты сбежала от меня как раз по этой причине.

– Я считала, что долг перед родителями выше собственного счастья, меня так воспитали. Потом перед глазами встал пример Мадины. Она мечтала о другой жизни, из-за этого все пошло наперекосяк. Мадина погибла из-за своих желаний, которым старые традиции не давали осуществиться. Каждый сам должен отвечать за свою жизнь. Мадине нужен был карнавал с фейерверком, а ее собирались запереть на кухне. Мне, наоборот, хочется домашнего покоя, но с тем человеком, которого я люблю и уважаю. Имам Шамиль говорил: «Если мужчина будет мужчиной, женщина будет женщиной».

– А еще он сказал: «Боишься – не говори, сказал – не бойся», – с глупой от свалившегося счастья улыбкой добавил я, не зря восполнивший информационный вакуум на тему Дагестана и его стержневых особенностей. – И «На дне терпения оседает золото».

– Именно! Жизнь показала, что лучше тебя мне не найти. Я люблю тебя. Именно тебя. Поэтому я здесь, назло традициям и обстоятельствам. Не они определяют нашу судьбу. Мы сами строим нашу жизнь и отвечаем за каждый поступок.

– Саня, ты скоро? – огорошил раздавшийся где-то рядом игривый женский голосок. – Кто там?

Хадя окаменела. Я, честно говоря, тоже. Дома никого не было!

Но я не заглядывал в родительскую спальню. Пока я спал, туда могли незаметно проскочить Машка с Захаром.

Тогда при чем здесь «Саня, ты скоро?»

Голос похож на Дашин. Неужели мне решили сделать «подарок», и теперь во второй спальне меня ждет «приятный» сюрприз?

– Кто это? – Хадя отпрянула от меня и попятилась к дверям. – Ты не один?

– Сам ничего не понимаю. Я был дома один. Подожди, сейчас посмотрю.

Два широких шага привели меня к родительской спальне. Я рывком распахнул дверь...

Сложенный для сидения диван тускнел желтым покрывалом. В комнате никого не было. Я осторожно отворил дверь во вторую спальню.

Поверх измятого одеяла в моей постели заждавшейся звездочкой раскинулась Даша. Груды торчали, ущелье ног призывно сочилось желанием.

– Я соскучилась.

Ко мне потянулись липучие руки-щупальца, которые однажды (пусть и во сне) я так любил, что хотел остаться с ними навсегда, а сейчас ненавидел всеми фибрами, жабрами и канделябрами.

Сзади обреченно хлопнула закрывшаяся за Хадей дверь.

Бежать вслед и уговаривать? А смысл? Чтобы как в анекдоте – «Это не то, что ты подумала»? После того, что Хадя видела собственными глазами, ее не вернуть.

Я не звал Дашу, она каким-то образом пришла сама. Но в предыдущей наявульной жизни, где сон не отличался от яви, когда мне было невыносимо плохо, именно Даша превратила «плохо» в «хорошо» – и разве я тогда возражал?

Судьба оплатила той же монетой. Девушка, которая по моему желанию в тот раз из «плохо» сделала мне «хорошо», теперь из небывалого «сказочно» сделала «отвратительно». Зеркальный ответ. За все в жизни надо платить.

– Ты откуда взялась?!?!

Я орал что есть мочи – в крик вложил всю горечь катастрофы. Кулаки сжимались, сердце рвалось на части.

Даша удивленно хлопнула ресницами:

– Ты чего? Я жду продолжения, а ты ушел. Кто там был? Соседка за солью приходила? А соседка красивая?

На полу валялись свидетельства бурного времяпровождения.

Ничего не понимаю. Явь и сон перемешались. Кажется, я действительно схожу с ума.

В дверь позвонили – долго и требовательно.

Хадя вернулась?!?

Я не успел броситься в прихожую, меня пригвоздило на месте, а по спине пополз холодок: по роскошной фигуре Даши прошла рябь, она коряво растянулась сразу во все стороны и оплыла кляксами лица, грудей, живота и бедер. Комнату заволочло серым туманом.

Через миг непроглядную завесу пронзил яркий луч, и картинка превратилась в другую – в невыносимо привычную, от которой хотелось выть и лезть на стену. В нашей с Машкой комнате я был один и лежал в кровати, хватая ртом воздух. В груди мощно стучало сердце. Недавняя жуть оказалась очередной проделкой подсознания. В лицо било утреннее солнце.

Все опять оказалось сном. Все, кроме звонка. Он был настоящим, потому что повторился. Почти сразу его сменил резкий стук. Настойчивый стук, в свою очередь, сменился грохотом, от которого дверь дрожала и скрипела деревянным косяком.

Открывать не хотелось.

А если дверь сломают? И, собственно, какая мне разница, кто за дверью? Хадя мертва. Кроме как во сне, она не придет. Остальные люди меня не волновали.

Я машинально потянулся за халатом, но не стал его брать. К черту халат. Ничего не хочу. Никого не хочу. Хочу тишины и покоя.

Поправив на себе трусы, я прошел в прихожую. Трусы – тоже одежда. Пляжная и спортивная. Возможно же, что я только что загорал и занимался спортом? Ну а то, что мятый и сонный – значит, много занимался и настолько устал. В общем, плевать, что обо мне подумают.

Я распахнул дверь. За ней стоял Захар – в джинсах, рубашке поверх белой майки и надетой задом наперед бейсболки. Он глядел на меня умоляюще, как смертельно больной на врача:

– Маша не отвечает на звонки, и я решил узнать – вдруг что-то случилось?

Меня будто ледяной водой облило. Куда же тогда делась сестренка?

– Я думал, она с тобой.

– Обычно мы встречаемся утром и идем гулять. Сегодня я ждал, но она не пришла. Телефон выключен. Уже несколько дней с Машей что-то происходит. У нее появились тайны, иногда она куда-то исчезает, а потом ничего не рассказывает.

– Хорошо, попробую что-нибудь выяснить.

Подавленный Захар ушел, а едва я набрал номер Машки и убедился, что телефон действительно выключен – дверь родительской спальни приотворилась. В щель выглянула явно неодетая Машка:

– Прости, я не хотела тебя будить и выключила телефон. Сейчас включу. Мы тут с другом... В общем, не обращай на нас внимания, мы будем тихо.

Дверь закрылась.

Я тупо изображал столб посреди коридора. Машка дома. С другом. И, можно быть уверенным на сто процентов, это не Захар, поскольку он только что ушел.

Или мои глюки продолжаются? Может быть, все это мне тоже снится? Войду к Машке – а там Захар. Почему нет? Даша же оказалась в моей постели, когда пришла Хадя?

Неправильно. Даша оказалась в моей постели, поскольку я хотел ее там видеть, и подоснание с удовольствием пошло навстречу. Я стыдился факта, что хочу видеть Дашу в своей постели, поэтому она приснилась вместе с Хадей, которую я хотел видеть больше, чем кого бы то ни было. Объяснение простое. И если сейчас, хотя я, конечно, в это не верю, сон продолжается, то за дверью родительской спальни с Машкой привычно окажется Захар. Блаженно раскинувшись на диване, он прикроется простыней, а Машка, витая с приятелем в запахе плотских утех, сморозит какую-нибудь чушь по поводу своей взрослости и моего тупого неприятия этого казавшегося ей незбылемым факта. В то, что Машка притащила домой случайного партнера, не верилось – пусть она и легкомысленная, но не настолько.

Я резко распахнул дверь. Машка без признаков одежды сидела на краю разложенного дивана и ждала загрузки телефона, а остальную часть двуспального сексодрома занимал...

Это оказался не сон.

Лучше бы сон.

На диване с Машкой был Гарун, его одежда валялась на полу.

– Ты чего?! – взвопила Машка, с визгом прыгая за Гаруна.

Находившийся в ступоре мозг все же сделал из произошедшего два заключения: она меня стесняется, и это хорошо, но она не стесняется Гаруна и считает его защитой от меня. Это плохо.

Выглядывая из-за широких плеч моего приятеля, сестренка затараторила:

– Выйди отсюда, извращенец, я же к тебе не вламываюсь, когда... Впрочем, ты хитрый, тебя на этом не поймашь. Но я постараюсь, я поймаю и тоже вломлюсь! Или еще что-нибудь придумаю, обещаю!

В первой части речи Машка была права, своим поступком я выставил себя не в лучшем свете. Во второй части тоже права – как сказала, так и сделает, и меня ждут веселенькие деньки. Скорее всего, чтобы не портить себе жизнь, придется договариваться и «возмещать моральный ущерб» – выполнить очередной каприз или пойти на уступки там, где обычно граница дозволенного проходила твердо. Обидно. Но – сам виноват. Нечего верить в сны.

Гарун обернулся к Машке:

– Зайка, погуляй, пока большие дяди разговаривать будут.

«Зайка». Как-нибудь припомню своей дурехе, когда опять начнет права качать. Как все возомнившие о себе мелковозрастные, кто вопреки мнению действительно взрослых считает себя взрослыми и от этой несправедливости страдает комплексом неполноценности, сестренка ненавидела ласкательно-уменьшительные прозвища. Любое «Солнышко», «Котик» или «Рыбка» и им подобные (не говоря про смертельно обидную «Крошку») вызывало у нее аллергию, а у того, кто осмелится ляпнуть такое – синяк или вызванную более изощренными спо-

собами идиосинкразию на уменьшительные суффиксы до конца жизни. А на этот раз – ничего подобного. Сразу как бы забыв, что брата нужно стесняться (или не как бы, а чтобы снова обозвать извращенцем), сестренка вскочила исполнять высказанное мягким, но непререкаемым тоном распоряжение «друга».

Я отвернулся, но, когда она спрыгивала с дивана, успел заметить, как Гарун поводит ее нежным шлепком по заднице. Вышло у него это мило, любовно-ласково, почти по-родственному, словно они сто лет знакомы. А я точно знал, что никогда сестру и друга не знакомил, и пересечься они никак не могли – жили в разных городах, а когда Гарун приезжал сюда ко мне, Машка всегда находилась где-то в другом месте. Зная Гаруна заочно, как спасителя своей репутации и героя-защитника на «стрелке» с соседним двором, Машка никогда не видела его и не знала в лицо. И вот...

– Подожду на кухне. – Выходя, она солнечно улынулась Гаруну, а мне привычно показала язык.

– Нет. Погуляй на улице, я скоро приду.

– Хорошо.

Машка выскочила из комнаты, через минуту хлопнула входная дверь.

Гарун оделся и похлопал ладонью по краю дивана, приглашая сестру рядом.

Мы сели – с разных сторон, словно между нами сидит кто-то невидимый. До сих пор этим «кем-то» была Хадя. Теперь могла быть Маша. У меня многое вертелось на языке, но вина друга в отношении моей сестры накладывалась на такую же мою вину. Это заставляло молчать.

Гарун вытащил из кармана длинный раскладной нож, раздался щелчок, блеснул открывшийся клинок. Острие уставилось мне в живот.

Я давно знал, что будет именно так. К этому не привыкнуть, даже если готов. Но зачем в наши разборки вмешивать Машу?

– Я виноват.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– Но ты тоже виноват. И если бы я не был так сильно виноват, то не разговаривал бы с тобой, а ты летел бы сейчас с лестницы...

– Подожди, сначала скажу я. – Нож замер в руке бывшего друга. – Ты опозорил мою сестру. Из-за этого она мертва. Думаю, ты поймешь мои чувства, когда дослушаешь до конца. Я решил ответить тебе тем же. Я искал подход к Маше, для этого сошелся с рыжей Наташей из соседнего дома – девчонке сам черт не брат, обожает приключения и деньги. Я сказал, что хочу познакомиться с Машей. «Нет проблем, – сказала Наташа. – С тебя ресторан, с меня Маша». Твою сестру оценили в один обед в ресторане. Говорю это тебе, чтоб было о чем подумать. А главное, что за ресторан я действительно получил Машу. И снова не было проблем. Это тебе еще один повод подумать. Я сошелся с Машей, чтобы отомстить тебе. Я хотел сделать ей больно, чтобы потом тебе стало больно так же, как больно мне. – Гарун неожиданно сложил нож, бросил его на пол и отвернулся от меня. – Я не смог. Что-то во мне не дало сделать так, как задумано. Маша оказалась так похожа на Мадину... Хадю не вернешь. И Мадину не вернешь. Я вдруг понял, что с ними обеими все было бы нормально, если бы не кое-что вот тут, – он постучал пальцем себе по виску, – у них, у отца и у меня. У нас всех. Твоя жизнь – неправильная, но привлекательная, она заманила Мадину, слишком рано втянула Машу и сломала Хадю. Моя жизнь, как я ее вижу здесь, – Гарун еще раз дотронулся пальцем до виска, – не может дать того, что дает твоя.

– У твоей жизни, назовем ее традиционной, есть свои плюсы, – сказал я.

– А у твоей, назовем ее нетрадиционной, свои. Жаль, что они – два разных полюса, которые невозможно соединить. Одно нужно душе, второе – телу.

– Из этого и состоит жизнь – метаться между моралью и желаниями.

– Жизнь состоит не в этом. В чем она состоит, можно выяснять долго, а у нас разговор не о том. Вернемся к фактам. Сейчас мы с тобой как бы квиты, хотя для нас с тобой это неравнозначно. Ты переспал с моей сестрой, я с твоей. Разница в том, что моя мертва, а твоя жива.

Хотелось напомнить, что моя сестра – несовершеннолетняя, но этот довод не добавит чести ни одному из нас. Мы все «хороши» так, что пробу ставить негде.

– Мою сестру ты опозорил, а с твоей все как с гуся вода, – глухо продолжал Гарун. – Но это не имеет значения. Я не хочу мстить. Ты не представляешь, какое чудо растет у тебя под боком. Ты читал стихи, которые пишет Маша?

Я знал, где они лежат, а интереса не было. Мне, как выяснилось, вообще не была интересна жизнь сестры, только своя. Наверное, отсюда брали начало все проблемы.

– Не читал, – признался я.

– Зря. Ты многое бы о ней понял. Золушка, которой предоставили слишком много свободы, однажды превратится в принцессу, за которой встанут в очередь короли. Мне не хочется, чтобы такая очередь когда-нибудь появилась, а это воспитывается внешне и внутренне: ограничениями и укорами совести, которую нужно постоянно теревить, чтобы нудела и не давала спать. Грубо говоря, сейчас Маше, в ее возрасте, нужно ограничить свободу. Я прошу у тебя, как брата Маши, разрешения встречаться с твоей сестрой – встречаться в хорошем смысле, без всего этого.

Рука Гаруна брезгливо указала на диван и на пол.

Мне не верилось в дружбу студента четвертого курса и школьницы, в которой любовь предполагалась исключительно платоническая. Столько времени без удовольствий, к которым организм уже привык... Если Гарун сдержит слово – а до сих пор его нельзя было упрекнуть в обратном – значит, он будет искать разовых возможностей на стороне. Такое поведение – как раз в его натуре. По-моему, он будет искать, даже когда вступит в отношения и когда женится. Горбатого могила исправит, говорит народная мудрость. Для сестренки это плохо. Зато в течение всего времени, пока они будут вместе, Гарун удержит Машку от многих глупостей. Это хорошо и для нее, и для всех.

– Я гарантирую, – продолжал Гарун, – что буду защищать Машу от всего, в том числе от нее самой. И не ругай сестру, она тоже думала только о себе и хотела как лучше. Дальше мы с тобой будем действовать вместе – в память о Хаде и Мадине.

Гормоны и гармония

Наличие стержня в человеке, как в мужчине, так и в женщине, определяет отношение к нему других людей и, через это, будущее человека. Плохо, что в себе стержень не разглядеть, он заметен только со стороны. Как заметно и его отсутствие.

«Кваздапил. Наявули»

В дверь позвонили. Да неужели? Они хотят меня этим удивить?

Осталось выяснить, кем на этот раз будут неизвестные пока «они». Я никого не ждал. Мало того, мне никого не хотелось видеть. Кто бы ни пришел, открывать не тянуло, и я не собирался этого делать. Гарун с ножом или без ножа, алко-дилер дядя Саша, Захар, накачанный тестостероном и обиженный, что его объект для «потестеронить» эстрогенит с другим, скучающая Настя в поисках приключений, обезображенный и озлобленный Данила, ушлый и опасный Костя или приятная во всех отношениях Даша, обладавшая почти всеми достоинствами, кроме чистоты и чести... Кто бы ни пришел – не открою! Решено. Кто бы там ни был и что бы ни предпринял. Не-от-кро-ю. Назло всем. Может быть, во вред себе. Но – все равно не открою.

Такого сна у меня еще не было. Значит, это и есть явь – мир, в котором хоть что-то зависит от моего решения. Что бы ни приготовила судьба – фигушки тебе, накося выкуси! Пусть хоть дверь сломают, а я буду лежать и глядеть в потолок.

В телефоне булькнуло пришедшее сообщение. «Саня, это Даша. Я у двери. Открой, пожалуйста». Снова Даша. Уже проходили. Любопытно, повод у нее тот же, как во сне, или судьба вновь удивит? Узнать очень просто: нужно спросить, зачем пришла Даша, и ответ определит, что делать дальше.

Как в большинстве изрядно надоевших снов, родительская квартира была пуста, Машка отправилась к Захару, родители – на работу. На улице светило солнце и пели птицы. На улице – да. Но не на душе.

Я накинул на плечи халат, но даже пояс не завязал, мне было все равно. Трусы скрывали то, что у нормальных людей считается неприличным, а большего не требовалось. Нечесанный, неумытый, помятый – это все равно я, и пусть, как говорит Маша, принимают таким, какой есть. Это, конечно, неправильно, но верно. Диалектика. Другими словами – оправдание себя, что бы ни натворил и как бы ни накосячил из-за лени и глупости. Потому что у медали всегда две стороны – внешняя и та, которую окружающие, сволочи такие, не замечают. За это мы на них, гадов и мерзавцев, обижаемся. Потому что мы знаем правду, а они, будто ослепли и оглохли на все глаза и уши, ее в упор не замечают. Ну и пусть. Мы-то, самые лучшие в мире, правду знаем.

Я поглядел в глазок.

Черное платье до колен. Голые ноги. Прическа. В общем, все как в недавнем сне, только теперь – черное платье. Хоть что-то новенькое. Платье выглядело предельно откровенно, соблазнительность и сексуальность зашкаливали, все скрытое просилось наружу.

– Ты к Маше или ко мне? – спросил я через дверь.

– Маша сказала, что тебе плохо, и я подумала... Прости. Наверное, я не вовремя. Зря я пришла.

Маша была права, мне плохо. Плохо настолько, что Даша пришла очень вовремя и несколько не зря – она могла сделать мне хорошо и даже очень хорошо. Клин клином вышибают. Взбаламученные мозги можно затуманить алкоголем или прочистить разнузданным и безудержным впахиванием впахуемого для снятия гормонального напряжения. В обоих случаях организму потом будет плохо, а душе – гадостно и противно. Это будет потом. Когда чело-

веку плохо и можно сделать хорошо, обычно он выбирает «сейчас» вместо любого «потом». Психология (или психиатрия?) выигрывает у философии, а тактика у стратегии. Потому что мы люди, а не роботы. Увы.

Щелкнул отпираемый замок. Ни слова ни говоря, я втянул раздевшуюся, как в театр, Дашу в темную прихожую. Руки превратились в схлопнувшийся капкан, рот жадно съел помаду на ошарашенных губах. Впрочем, эти губы быстро ответили. Подключился язык.

Это значило «да» – однозначное и бесповоротное. Я подхватил Дашу на руки. Без платья она осталась уже на постели. Церемонии не требовались: мы были взрослыми и понимали, что нужно каждому из нас. Мне плохо, и ей плохо, минус на минус дает плюс – в это хочется верить, пусть разум понимает, что на самом деле все не так. Ну и что? Такая философия оправдывает любые безумства. «Безумству храбрых поем мы песню!» Ага. В чем тут, прошу прощения, храбрость? Это не храбрость, здесь другое. Как говорила одна книжная героиня, «Мне проще дать, чем объяснить, почему нельзя». В глубине души я боготворил тех, кто, как Хадя, знал, что объяснять ничего не надо, потому что «нельзя» в отношении женской доступности должно звучать как «невозможно». Зато «Даши» и прочие «Наташи», сами рыскающие в поисках добычи, очень нравились моему организму. Во сне Даша твердила мне: «Я ничего не прошу...» Вот и славно, ведь я ничего не предлагаю. Идеальный союз. В нашем случае минус на минус дают крест и ставят его на возможных отношениях. Мне не нужны отношения. Мне вообще никто не нужен и ничто не нужно. Самое важное из сердца вынули, теперь мое сердце – просто мышца, которая гоняет кровь.

– Не испачкай! – взмолилась Даша, когда ее платье, содрванное через развороченную прическу, я собирался бросить на пол.

В итоге платье улетело на спинку кровати, за ним отправилась стянутая с бедер ажурная вязь, больше на Даше ничего не было. Следующий поцелуй вышел неправильным, я целовал совсем не там, где недавно ел помаду. У Даши моя дерзость вызвала ликующий вой.

А мне было немного странно держать в руках и ласкать наяву то, что уже держал и ласкал во сне. Я знал о Даше больше, чем она думала. Сходилось, конечно, не все, причем далеко-далеко не все, но интуиция не подкачала, и основную часть реакций и желаний Даши я угадал правильно. В моем сне она сходила с ума от нежных касаний ворот, открывавших мне вход в мужской рай. Да что там открывавших, на деле давно открывших, просто еще не пройденных в реальной жизни. Но я не торопился. Мне нравилось нравиться – наверное, так же чувствуют себя красивые девушки. Приносить человеку блаженство, которое роняет его в параллельный мир – это отдельное удовольствие, а все, что для этого требуется – немного усердия губ и ловкости языка. Возможно, такое обхождение нравится большинству женщин, и жадное желание Даши – не исключение, а подтверждение правила, но сейчас я думал не об этом. Во сне такой подход вызвал ответную реакцию. Теперь, в благородных мыслях о том, какой я молодец, что делаю партнерше так приятно, я ждал: повторится ли увиденное в видениях? Интуиция вновь не подвела. В ответ на мои изощрения Даша в экстазе делала и позволяла то, чего я никогда не попросил бы сам. Просто не осмелился бы. А так – цель забыться достигнута, план по забытью выполнялся и перевыполнялся многократно. Воздух в комнате сгустился, и запахом, наверное, можно было морить клопов. Или, наоборот, заставляя их бешено размножаться.

Теперь, чтобы сон сбылся полностью, не хватало последнего. Вновь (и при этом впервые) оказаться внутри. Почувствовать себя и партнершу как нечто цельное и неразрывное, ощутить до боли в паху блаженство сопричастности и единения...

Какие, к чертям поросычьим, сопричастность и единение?! Опять слова, просто слова. Шелуха. Прикрытие. Желание воткнуть штепсель в розетку – вот и все единение. Душа и совесть закрылись на переучет в поисках недостачи, а меня, бездушную куклу, вел инстинкт. Я отдался ему полностью, потому что иначе душе, которая теплилась и рыдала где-то глубоко внутри, было больно. Любая мысль, пробившаяся в мозг, говорила, что я – последняя сволочь.

А разве я не согласен? Да, сволочь, именно последняя, за мной не занимать.

И я воткнул. Створки рая сомкнулись на основании, а внутри оказался ад. Жуткое пекло выжгло меня, превратив мысли в пепел, а остальные желания в дым.

Большого мне не требовалось. Будда был неправ, на самом деле нирваны достигнуть очень просто. Правда, потом вместо просветления наступает потемнение...

Ну и ладно. Я – обычный человек, до Будды мне далеко, у меня свои маленькие радости и большие беды.

Женщину называют сосудом греха. Это верно. Любая женщина – сосуд греха. Любая, кроме любимой.

Даша была для меня любой.

– Вообще-то, я хотела вытащить тебя из дома – погулять, сходить в кино...

Значит, вот почему она разоделась, будто на праздник.

Счастливое лицо Даши светилось невиданным облегчением, будто за нее сдали экзамен, к которому она не готовилась. Мы лежали потные и измученные и пытались вернуться в себя, на этот свет, в свои покинутые душами и разумом тела.

Сил не было. Совсем. Собственно, это мне и требовалось – как можно сильнее устать, чтобы вскоре заснуть. И тогда, возможно, мне опять приснится Хадя – любимая и единственная.

Странно звучит слово «единственная», когда лежишь в постели с другой, в которую только что справил инстинктивную нужду. Правда, это произошло через защиту латекса, но инстинкт так легко обмануть. В результате – он доволен, и я доволен. И Даша довольна. Не довольна только душа, но со счетом три-один не в ее пользу это не важно. Жаль, конечно, что ее голос во мне настолько мизерный, что не перевешивает даже одного удовольствия. Интересно: а как было раньше? Голос души был больше или меньше? Когда Хадя была жива – намного больше. В то время инстинкт не имел права голоса вообще, проблемы начались, когда ему дали это право.

– В кино? – Я с трудом повернул голову, чтобы смотреть Даше в лицо. – Я нарушил твои планы?

– Так тоже неплохо. – С довольным смешком она потянулась, и множество мягких конечностей, каплевидностей, губ и языков оплели меня, как паук муху.

А мухой в паутине быть совсем не плохо. Ничего не нужно делать, обо всем позаботится паук.

Меня обнимали теплые руки, по боку расплылась мягкая грудь, шею щекотали губы и волосы. Кажется, Даша еще что-то сказала. Это было не важно.

Ничего не важно. Все важное я оставил за дверью, когда впустил Дашу. Теперь важным было только продолжение удовольствия.

Вдруг захотелось выговориться. Ни Машке, ни родителям, ни друзьям такого не скажешь. Когда нужно излить душу, для разговора подходят две категории людей: первая – единственный в мире человек, самый любимый, который выслушает, все поймет и успокоит, и вторая категория – те, кто нам безразличен. Например, попутчики в поезде. Таксисты в другом городе. Партнеры на один раз. Ответ на вопрос, в какую из категорий отнести Дашу, был явно где-то на виду, но напрягаться не хотелось. Я подумаю об этом позже.

– Прости меня, – заговорил я, поглаживая облежавшую меня податливую плоть. – Я был глуп и туп, как пробка, и не понимал, что и зачем делаю. Точнее, делал, не подумав что и зачем. Я не подпускал к себе других, поскольку намечтал чего-то нереального. Жизнь поставила меня на место.

– Мне тоже плохо, – жарко перебила Даша, вжимаясь в меня. – Мне было так тоскливо и одиноко... Когда Маша сказала, что ты дома, что с Надей у вас не сложилось, я решила зайти. Причина проста: ты не такой как все. Ты умеешь сказать «нет» приятному, потому что оно приятно лишь на вид, а пахнет плохо. Ты думаешь на шаг вперед. Ты готов жертвовать своим счастьем ради счастья близких. Я понимаю, что пришла слишком рано, но потом будет поздно. Мне ничего от тебя не нужно...

В ухо втекал жаркий шепот, смысл с трудом пробивался сквозь завесу удовольствия, он был мне смутно знаком и все равно нравился не меньше, чем то, что обнимало меня и что обнимал я. От таких слов организм гордо надулся и опять захотел испытать замечательное «ничего от меня не нужно».

– Я хочу тебя, – сказал я.

Что-то внутри воспротивилось: «Что за гадость? Если уж говорить, то говорить самое главное: "Я люблю тебя"!»

Но я не люблю, я просто хочу. Даже не я, а что-то во мне. И что такое «я», если задуматься?

Нет, лучше не задумываться. Сотни миллионов людей не задумываются – и счастливы.

– А разве я возражаю? – Покорная моим рукам, Даша перевернулась на живот.

Два человека, которым плохо, встретились и делали друг другу хорошо. Разве это плохо? Количество счастья в мире прибавлялось.

Да. Теоретически, тактически и иллюзорно. Было бы так на самом деле – душа витала бы в небесах. А она... А где она? Вот об этом и говорю. Все, что не стыкуется с совестью, в долговременном плане проигрывает, когда же я пойму это простое правило?

От Даши мне нужно одно, и когда я получу все, что хочу, ничего другого от нее мне не нужно. И спутницей жизни я ее вижу только от безысходности, а в такую яму я еще не упал. До дна далеко, по пути могу встретить вариант получше. Это как у Машки с Захаром: пока на нее не клюнул кто-то богатый или сильный, в качестве перекуса на каждый день и Захар сойдет.

– Кто-то пришел!

Хлопок входной двери выбросил меня из постели.

Вот же черт подери... Все было как в одном из снов, и это могла быть только Машка – для родителей слишком рано. Это успокаивало. Машка – своя, она практически соучастница и, когда увидит снятые в спешке женские туфли, поймет все правильно, а мама хоть и ждет не дождется, когда у меня девушка появится, но ей нужна такая, от которой хочется внуков. Я не уверен, что Даша в этом качестве приведет маму в восторг.

Я закутался в халат, но в таком виде показываться нельзя – запахнутые полы топорщились и грозили разъехаться, и тогда позора не оберешься. Старший брат у сестры должен вызывать многие достойные чувства, ни в коем случае не смех.

Платье в такой короткий срок не наденешь, да и не нужно. Даша, тихо хихикая, спряталась под одеяло. Надеюсь, что хихикала она не надо мной, а над ситуацией. Ну и ладно, мы взрослые люди, закон нам позволяет шалить, если наши шалости не мешают другим. Если бы это еще не мешало собственной совести... Но нет такого закона. Точнее, закон есть, но лежит он не в юридической плоскости, а в религиозной. Государство у нас светское, и мораль оно допускает любую, какую разрешат себя сами люди. Если бы мне на минуту предложили должность царя и спросили, какой закон издать, то я бы сказал: «Сожгите к чертовой бабушке все прежние законы и пользуйтесь теми, что были до них: заповедями и совестью! Не лги, не кради, не убивай, не прелюбодействуй...»

Ага, размечтался.

– Привет, мы дома! – донесся веселый голос сестренки.

«Мы», то есть вдвоем с Захаром, сопровождать Машу мог только он.

– Здравствуйте, – почти сразу отозвался Захар.

Не «привет» или что-то англоязычно-молодежное. Значит, помнит и уважает, это хорошо, пусть так и остается.

– Привет.

– Не волнуйтесь, – объявила Машка звонко, задорно, с лукавой интонацией, – не побеспокоим. Мы идем на кухню чай пить.

Чай – это замечательно. Некоторое время можно не отвлекаться.

– Вам налить? – донеслось с кухни.

– Нет, – громко ответил я.

– А зря, – весело отозвалась Машка. – Мы эклеры принесли. На всех. Может, все же выйдете?

– Нет! – грозно повторил я.

– Правильно. Я бы тоже не вышла. Как говорил фермер, который кормил петуха, ради проса соскочившего с курицы: «Не дай Бог так оголодать».

У меня рука зачесалась дать малолетней язвочке ремня, но для приложения сил нашлось другое поле. Не привлеченная к разговору Даша занялась мной, проявляя невыразимый вкус и глубокую ответственность. Иногда просто удивительно глубокую. Я забыл про все остальное.

Приходилось сдерживаться, что еще больше распалило. Рычание и вой перемежались стонами. Кровать нещадно скрипела. Ни со скрипом, ни со стонами бороться было невозможно, они стали неотъемлемой частью Вселенной. На полу оказалось грязно и пыльно, и хорошо, что мы проверили этот факт до прихода Машки с Захаром, потому что, попутно опробовав тесную ванную комнату, где пришлось очищаться и отмываться, мы вернулись обратно в кровать.

Рассказывать о физическом счастье невозможно, его можно только ощутить. Через какое-то время, довольно долгое, выпотрошенные друг другом до состояния невесомости мы с Дашей откинулись на подушку – две головы висками друг к другу, с перепутавшимися волосами, с прижатыми руками и бедрами.

Машка с Захаром затихли на кухне, и только сейчас я вспомнил, как во сне в похожей ситуации они ушли в родительскую спальню и занялись тем же, что и мы.

– Накройся, – приказал я Даше.

Она показала мне язык, потрясла колыхавшейся грудью в стиле «Холодец заказывали?», но послушно спрятала белую роскошь под одеяло.

Я надел трусы и открыл дверь. На кухонном столе, как и ожидалось, одиноко стояли две чашки с чаем – наполненные и забытые. В тарелке лежало четыре нетронутых эклера. На ручке двери родительской спальни висела бейсболка.

Первый позыв – в праведном гневе качать права старшего брата – удалось подавить, поскольку у трусов нет ремня. Я выдохнул. Нужно отстраниться от того, что взбесило, и досчитать до десяти. Во сне я уже давал волю гневу, ничем хорошим это не кончилось. Девочка выросла, девочкой она осталась только для папы с мамой и для меня, старшего брата, обязанного ее опекать. Все правильно, но: «обязанного»! Сейчас я сам поступал не совсем этично и развлекался с первой же особой женского пола, которая дала мне такую возможность. То, что она подруга сестры, лишь усугубляло ситуацию. Но подруга на несколько лет старше и явно совершеннолетняя. Конечно, общение с такими подружками повлияло на сестренку не лучшим образом, и повзрослела она раньше, чем мне хотелось. Но она – школьница! Отбросим в сторону скользкое прошлое. Меня не было рядом. Когда можно было вмешаться – меня не было, но сейчас-то я рядом!

Брат должен вызывать уважение. А жить надо по совести. А счастье – это когда слова, мысли и поступки согласуются друг с другом.

Нужен ли Машке брат-тряпка, у которого сегодня на уме одно, завтра другое, а умелым подходом из него можно веревки вить? Пусть лучше Машка обижается на меня, чем не ува-

жает. Позже поймет. Сейчас я чуть-чуть успокоюсь и скажу, что так, как она поступает, поступать нельзя, что в ее возрасте нужно учиться, а не искать мест, где какой-то молокосос, тоже от горшка два вершка, будет драть ее в хвост и гриву, и что пока я дома, ничего подобного больше не потерплю...

Дверь родительской спальни распахнулась, оттуда выскочила сестренка. Одной рукой она открывала дверь, другой, заметив меня, прикрылась снизу. Надеть на себя хоть что-то Машка не удосужилась. Вообще.

– Пардоньте, плиз. А ты чего при параде?

Я опешил. То есть, по ее мнению, трусы – излишество?!

Машка хотела шмыгнуть мимо меня в ванную, но застыла, озаренная внезапной идеей:

– Я придумала новую игру! Давайте сыграем все вместе, такого еще не было: будем играть в карты на одевание!

В проеме двери виднелся разложенный диван родителей, развалившийся на нем голый Захар готовил себя к следующему раунду, а установленный перед диваном планшет показывал жесткую порнуху.

– А ремня не хочешь? – Это все, на что хватило фантазии. Во мне все бурлило и клокотало, я едва сдерживался.

– Отличная идея! Сыграем на «дать ремня»! И уж тогда я отыграюсь за прежнее!

Нервы у меня не выдержали. Я схватил Машку поперек тела, поднял ее, взвопившую от неожиданности и дрыгавшую ногами, и припечатал пятерней по мягкому месту так, что от звона стекла задрожали. Машка взвыла, а с дивана вскочил ее малолетний полубовничек:

– Что за х...ня?! Маш, чего он? Ты же говорила...

Смысл слов «праведный гнев» впервые дошел до меня в исконном смысле. Я никогда не позволял себе материться в чужом присутствии, матерные слова в моем исполнении – крайний довод для тех, кто не понимает иначе. Сейчас меня допекли: проявить такое недержание речи в моем доме, при девушках...

– Слушать надо не женщину, а совесть,
... ..
... ..!

Я выдал невероятную фразу, в течение которой, как выяснилось еще при первых испытаниях, слушателей не покидает ощущение причастности к высокому искусству, а после остается состояние ступора. В памяти, если услышавшему вздумается повторить, всплывают лишь фрагменты, запомнить и сразу воспроизвести такое нереально, только частями и после упорных тренировок. Филька подслушал этот шедевр у одного военного и записал на диктофон. Мы перевели заковыристую речь в удобочитаемый текст и долго заучивали – как раз на такой случай, когда нужно повергнуть противника в шок, разнести в прах и вытереть об него ноги. Дескать, думаешь, что умеешь ругаться? А вот неправ ты, через пень-колоду коромысло тебе в зад, чтобы прокладка между ушами не болталась. До тех пор я просто не знал, что «многоэтажная брань» – это определение, а не фигурный оборот речи, и каждое слово в небоскребе было неприличным до неприличия, а о существовании некоторых в таких вариациях, произведенных от всем известных корней, большинство матерщинников даже не подозревало.

На миг установилась тишина. Откинув Машку, как ненужную вещь, я надвинулся на Захара, схватил его за выставленную вперед защищающуюся руку и заломил ее. Прихватив второй рукой его одежду, я повел его перед собой, нагнутого к полу, в прихожую – как тачку, которая катится туда, куда ее толкают.

Машка с визгом набросилась на меня сзади. Она дубасила кулаками в спину, затем напрыгнула сверху и стала душить.

Такие мелочи меня не волновали. У меня появилось настоящее мужское дело, и я его делал. Сознание собственной правоты придавало сил, а на душу снизошла великая гармония: впервые за много лет, я думал и делал одно и то же. Моя совесть была чиста.

На шум выскочила прикрывшаяся одеялом Даша:

– Ты что творишь?!

– У тебя есть брат? Ты бегаешь перед ним нагишом? А твой парень перед ним матерится в его доме, где внезапно «жарит» его малолетнюю сестру?

Наконец-то я высказался, и на душе полегчало еще больше.

Свободной рукой я сдернул с себя Машку и распахнул дверь на лестничную площадку. Машка отскочила назад, Даша прикрыла ее одеялом.

Повезло, что снаружи никого не оказалось. Честно говоря, мне было все равно. Я вытолкнул Захара, бросил ему вещи и захлопнул дверь, а когда обернулся, на меня из белого кокона одеяла со страхом глядели две головы. Машка пряталась за Дашу – реально боялась, что я продолжу избиение или так же выгоню на улицу.

– Пока я дома – никакого мата, никаких потрапушек, а ходить только в приличном виде, понятно? – озвучил я новые правила, которые с этой минуты действуют в доме.

– Понятно.

Машка беспрекословно пошла на попятный, мой гнев не вечен, и, когда успокоюсь, она опять начнет свои выкрутасы. Что ж, посмотрим. Я отступить не собирался.

– Теперь никого к себе пригласить нельзя, что ли? – Согласия со мной у сестренки хватило всего на пять секунд. – Ставим железный занавес для противоположного пола?

– Если парень придет в гости – я не против, но в гости – в дом, а не...

– Значит, нам придется прятаться по подворотням, чердакам и подвалам?

– Попробуйте. Узнаю – пожалеете, что на свет родились.

– Это глупо.

– Нет, это правильно. Пусть я понял это поздно, но все же понял, и теперь будет так, как должно было с самого начала.

– Даш, скажи ему! Зачем он всем усложняет жизнь?

– Даша, лучше молчи. Кстати, я тоже был неправ, и больше такого не повторится.

– Ты во многом неправ, – Машка подозрительно сощурилась, – поясни, не повторится что?

– Хочу сказать, что принцип «Делай как говорю, а не как делаю» не работает, поэтому, Даша, иди, пожалуйста, домой. Такого, как было сегодня при моей сестре, больше не будет – у меня есть обязанности брата, я обязан показывать пример. Дом – это дом, в прежние времена его считали святым местом, а теперь он в нашем понимании стал просто удобным помещением для того, что нельзя, но очень хочется. Это неправильно.

Машка выкрикнула из-за Даши:

– Мы с Захаром все равно будем встречаться, и ты ничего не сделаешь!

– Каждый раз, когда увижу или узнаю – сделаю. Как иначе донести до человека, что такое хорошо и что такое плохо? Зная, что чего-то делать нельзя, ты, скорее всего, не откажешься от запретного и будешь продолжать некоторое время. Но ты будешь постоянно помнить, что делать этого нельзя. И тогда в тебе, надеюсь, однажды проснется совесть. А если потакать всем капризам организма, который успешно выдает себя за тебя, то для совести вовсе не останется места, ей негде будет жить.

Мою речь прервал звонок в дверь.

Захар вернулся? Вряд ли. Отстаивать неправое дело – занятие неблагодарное, а он хоть и тупит иногда, но в целом не дурак.

Гарун? Дядя Саша с бутылкой? Кого не хватает для комплекта? Только Хади, как в том благословенном сне, когда она приехала сама. Но если (просто допустим на секунду, как бы дико и глупо это ни звучало) за дверью она – что она здесь увидит?

Это был первый раз в жизни, когда Хадю мне видеть не хотелось.

– Саня, Маша! Кто дома есть? Откройте, это я! Ключи на работе забыла.

Голос мамы. Вот уж чего быть не могло никаким образом.

Даша понеслась одеваться в мою с Машкой спальню, сестренка – забирать улики из родительской.

Меня пробрал озноб: а если бы мама не забыла ключи? Пока я увещевал Машку, как жить правильно, в двери провернулась бы защелка замка, и...

Картина маслом: сын-студент – в одних трусах, сестра-школьница и ее старшая подруга вовсе без них, и по всем комнатам разбросаны одежда, нижнее белье и использованные резинки. Удалось бы вменяемо объяснить, что здесь происходит на самом деле? Окажись на месте мамы папа... На такого сына, думаю, рука поднялась бы и у меня. Синдром Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью». Разве то, что видели глаза – не доказательство, не требующее подтверждений? А я еще смеялся над придурками из анекдотов, которые кричат в таких ситуациях: «Это совсем не то, что ты подумала!»

Если у мамы появится желание дать мне ремня – я соглашусь без раздумий. Пусть лучше так, чем как-то по-другому.

– Ну, где вы там? Есть кто?

Надо отвечать, иначе у мамы возникнут нехорошие подозрения. Не сразу, конечно, а когда она все же окажется внутри.

– Мама, подожди минуточку, хорошо?

– Что-то случилось?!

С родителями нельзя так неинформативно, они всегда предполагают худшее. Хотя, казалось бы, куда уж хуже?

– Я не один.

Ничего лучше на ум не пришло. Когда говорил – я имел в виду Дашу. А как теперь объяснить, что Машка тоже дома? Самое паскудное во всем этом, что отдуваться придется не сестренке, а мне, хотевшему как лучше. Машка при любом раскладе окажется в стороне. К тому же, она останется морально пострадавшей: в присутствии сестры-малолетки старший брат творил с ее старшей подругой всякие непотребства!

Сообщение, что я не один, маму неожиданно обрадовало:

– Надя вернулась?!

– Надя не вернется.

– Жаль, она мне понравилась. Сейчас таких правильных и хозяйственных редко встретишь.

Долго через дверь не поговоришь, пора открывать. Но как, если вокруг – вот такое, нормальным человеком невообразимое: с собранными в охапку вещами Машка неслась из одной спальни в другую, одновременно ей навстречу выскочила Даша с охапкой чуть поменьше, девочки столкнулись, их раскидало в стороны, а вещи разлетелись. Маша с Дашей стали вновь подбирать с пола, путаясь, где чье...

Набросив на плечи халат, я затолкал Дашу с платьем в туалет (с бельем потом разберется), а Машку – в нашу с ней комнату. Оставался разобраным диван в родительской комнате, но это даже хорошо. Пусть мама подумает, что мы с Дашей развлекались там.

Я отпер. Мама осторожно вошла, приглядываясь и принохаясь.

– Отпросилась, а ключи забыла. – Она увидела Дашины яркие туфли и на миг задумалась. Видимо, пыталась идентифицировать владелицу. – Сейчас Захар по двору промчался как ошпаренный. Меня он не заметил, хотя вроде бы в упор смотрел. Будто гнался за ним кто.

Интересно, что у него случилось. Когда зайдет – надо бы спросить. Такой хороший мальчик – тихий, скромный, культурный. Я так рада, что Маша дружит с ним, таким интеллигентным и безобидным, а то дурно становится, как вспомню, что одно время ей нравился Данила, сын тети Веры из механического...

– Если что – Маша дома, – прервал я мамин поток сознания, – и о ней лучше говорить сразу с ней.

Мама испуганно прикрыла рот ладонью: не ляпнула ли чего-то, на что дочка обидится или поймет неправильно?

Из туалета появилась Даша – в плотно облегавшем платье, с немного помятой прической.

– Здравствуйте, Зинаида Викторовна.

Мамин взгляд на секунду задержался на гладкой талии Даши, сообщавшей, что под платьем ничего нет. Мама сухо кивнула и прошла на кухню.

Я открыл Даше дверь:

– Созвонимся. Может быть. Не знаю. У меня сегодня словно глаза открылись, нужно многое переосмыслить. Прости, что говорю так сумбурно, я еще сам не разобрался, что будет дальше и как.

Даша попрощалась со мной так же кратко и недовольно, как с ней поздоровалась моя мама.

Когда я прошел на кухню, мама не скрыла раздражения:

– Не люблю я эту Дашку. У вас с ней, надеюсь, несерьезно?

– Еще недавно ты укоряла, что у меня нет девочки, и намекала, что хочешь внуков.

– Только не от Дашки. Сколько нервов ушло, пока мы с отцом объяснили Маше, с кем можно дружить, а с кем нельзя. Вроде бы эту стерву от дома отвадили, а теперь ты ее привел.

Пора сменить тему.

– Что-то на работе случилось?

– Нет, я пришла поговорить с тобой. У нас сложилась особая ситуация, нужен срочный ответ. Квартира, которую ты снимал вместе с Надей, все еще за тобой, или ты от нее отказался?

Квартира была вроде бы за мной. И кровать в шестикроватном «общежитии» тоже пока моя, а если доплатить, то будет и после. Другое дело, что по определенным причинам мне в областной центр соваться нельзя.

Для начала надо выяснить, в чем проблема. Обычно проблемы решаются гораздо проще, чем представляется моей маме.

– Скажи, в чем дело, и мы вместе найдем лучшее решение.

Мама указала мне на стул и грузно опустилась рядом.

– Нужно помочь хорошим людям. Отказать я не могу, там ситуация – дело жизни и смерти. К нам переедет девочка, будет жить у нас.

– Девочке сколько лет? Маленькая?

– Не помню точно, примерно ровесница Маши. Впрочем, нет, должна быть старше. Комнат у нас всего две, и первое время мы, конечно, потеснимся и как-нибудь разместимся все вместе, а потом придется что-то решать. Я так понимаю, что она к нам приедет надолго. Всем скажем что она ваша троюродная сестра, дочь дяди Леонида.

– У него же, как мне кажется, детей не было?

– А кто помнит? После того, как он на Чукотку уехал, мог снова жениться, и взять женщину с детьми. Он здесь ни с кем связь не поддерживает. В общем, придумаем что-нибудь, сейчас надо решить с жильем. Представляешь: если девочку не спрятать, ее убьют. Кошмар. Родители сделали ей другие документы – помогли родственники в паспортном столе и полиции. Помнишь дядю Шарипа и тетю Аишат, наших соседей на Кавказе?

Еще бы не помнить. Это родители Хади.

– Кстати, девочку теперь зовут тоже Надя, к имени привыкнешь быстро. Аишат потеряла одну дочь и не хочет терять последнюю, она позвонила и попросила меня, как давнюю подругу, спрятать дочку от посторонних.

Квартиру залило солнцем. За окном нестерпимо красиво пели птицы. Воздух был свеж и вкусен.

Ничего этого мама не замечала, она продолжала:

– Знать о том, кто такая Надя на самом деле, будут только ее родители и наша семья.

– Как звали дочку тети Аишат до того, как ей сделали новые документы? – перебил я.

– Раньше ее звали... дай Бог памяти... кажется, Хадижат. А что?

– Ты видела фотографию Нади-Хадижат?

– Нет. – Мама поглядела на меня с удивлением. – Саня, что с тобой? Ты весь светишься!

Часть третья. Мурадоности

Счастье человечества – не в свободной воле и не в свободном разуме. Счастье – в тех тисках, которые ограничивают людей в их желаниях.

Эти мотивы приводят те люди, которые боятся заглянуть в самих себя, те люди, которых сжимают страхи, сжимают низшие силы, не позволяя им поднять свою голову, чтоб увидеть мир, освещенный ослепительным солнцем.

Эти люди согласны провести свою жизнь при свете ночника только чтоб не потревожить своих страхов. Каждая страница моей книги будет вызывать у таких людей лихорадку.

М.Зоценко «Повесть о разуме»

Пролог-напоминание

– Дай телефон. Сними блокировку.

– Блокировка нет. – Машка затравленно оглянулась и сжалась так, что превратилась в величину отрицательную. – Саня, не надо...

– Надо. Теперь точно надо.

Открыв галерею, я листал фотографии, и волосы потихоньку вставали дыбом. Машка и Захар фиксировали свои экзерсисы с прилежностью отличников: вот они дома, вот они в городе – сегодня, пока я ждал сестренку на ужин. В конце альбома – они здесь, на моей кухне. Будто на десерт.

Меня корежило изнутри, и отшатнувшаяся Машка на всякий случай осталась на небольшой дистанции. Я быстро листал в обратную сторону, пока не выкатился снимок из следующего альбома.

– А это что?!!

Черная рука на белой груди. Черная – в прямом смысле, а не как недавно подкалывала сестренка.

Машка даже не взглянула на экран.

– У нас в классе есть негр, – прошептала она бледными губами, – он ходит с Катькой Крапивщиной, но он же негр, мне было интересно, какие они. Он был не против.

Телефон моей в руке дрожал. Казалось, в груди сейчас что-то треснет и сломается.

Следующее изображение показало ту же пятерню, но уже не на груди. Моя рука вновь потянулась к ремню.

– Саня! – Машка попятилась.

– Кваздик!

С другой стороны ремень перехватила Хадя. Я молча вырвал ремень и оттолкнул ее. Хадю отбросило в стене. Маша раскрыла рот в немом крике. Тушка содранного с нее халата спланировала павшей птицей на сердобольную защитницу маленьких. Машка убежала, пряталась, прикрывалась, а я стегал, куда придется.

– Интересно, говоришь? – Злость била из меня фонтаном. – А вот это не интересно? И это я еще не все посмотрел, не так ли, Машулька?

Звонок в дверь совместился с громким стуком:

– Откройте, полиция!

Глава 1

Ситуация – нарочно не придумаешь. Разыскиваемая за убийство Хадя... Я и ремень, как два сапога пара... Сестренка со следами побоев...

– За мной пришли, – выдохнула Хадя.

Ее обреченный взгляд сказал: «Кваздик, это всё?»

«Скорее всего», – честно ответили мои глаза.

Вскочившая Машка опомнилась первой.

– Для полного счастья только их не хватало. – Она подхватила халат, руки нервно искали рукава. – Наверное, бдительные соседи наступали.

Тоже вариант. Почему мы с Хадей сразу решили, что пришли именно из-за убийства? На воре, как известно, шапка горит.

Хадя с надеждой утопающего смотрела на меня. Мужчина обязан спасти и защищать женщину, а мужчина здесь один, к нему и обращалась мольба в глазах. Нам с Машкой ничего не будет, разберемся по-семейному, а Хадя в розыске. Что бы ни случилось, полиция всегда проверяет документы. Даже если Хадю не узнают сразу, отсутствие паспорта заставит проявить бдительность.

– Маша, открой, пожалуйста, – попросил я, а сам шагнул к Хаде. Потяжелевший от мыслей взгляд опустился. – Прости. Если бы можно было все переиграть...

– Это ты прости, во всем виновата я, это я подбила тебя вмешаться. Если бы не я...

Она бросилась ко мне, обвинила руками шею...

Боже мой, мы обнимались!

Неужели?! Не верю!

Очевидное невероятное. Мама рассказывала, что раньше так называлась познавательная передача по телевизору. У меня она случилась без телевизора, наяву.

Машка права, я Хаде небезразличен. Насколько – покажет время, но сам факт порыва, бросившего ее ко мне...

– Тэ-экс, что тут у нас? В гроб мне гвозди, чтоб крепче спалось, это же Мария Егоровна! Как поживаете? – В квартиру змеем проскользнул знакомый сержант в сопровождении напарника, на этот раз другого, не того, с которым патрулировал улицу. – Попросили выйти в смену за приятеля, я думал ночка спокойно пройдет, а тут: «Режут! Убивают! Насилуют!» Это вас резали, убивали и насиловали, Мария Егоровна?

Ну и шуточки у наших полицейских. Господину Старомоеву не мешало бы сделать поправку на возраст кое-кого из присутствующих. С другой стороны, именно эта мелковозрастная все спровоцировала, и у меня самого на язык в отношении нее просилось тако-о-ое...

Хадя отпрянула от меня, как здоровый человек от заразного.

Едва мое дыхание вернулось в рамки приличия, я обернулся:

– Еще раз здравствуйте, сержант. Это моя девушка, а с сестренкой вы знакомы.

– Довелось, – улыбнулся он. Взгляд на секунду замер на валявшемся ремне. – В первый раз сестренке досталось из-за вашей девушки. Из-за кого теперь?

– Мало ли в Бразилии Педров, как говорила незабвенная донна Роза Дальвадорес.

Сержант вздохнул.

– Я предупреждал, чтобы вы поумерили пыл... Алексей Егорович, если не ошибаюсь. Нет, как-то интереснее, напомните, пожалуйста.

– Александрий.

– В прошлую встречу, Александрий Егорович, вы нанесли прекрасной родственнице заметный внешний ущерб. В тот раз ситуация с трудом, но разрешилась, сейчас мы видим рецидив в тяжелой форме с применением подручных средств. Повреждения у потерпевшей, я

не сомневаюсь, серьезные. Придется вам проехать с нами. И вы, Мария Егоровна, собирайтесь. Оденьтесь потеплее, оформление займет много времени. Девушка Александрия поедет свидетелем, ее тоже необходимо освидетельствовать на предмет побоев. Как вас зовут?

Хадя, к которой обратились, вдруг покраснела, начала что-то говорить, но Машка громко перебила:

– Никуда не поеду!

– Поедете, – равнодушно бросил сержант. – Это необходимо.

– Вы не можете меня заставить. Я не буду писать заявление на брата!

– Неважно. Преступление совершенно в отношении несовершеннолетней, и мы обязаны...

– Не было никакого преступления! Обычный бытовой шум, который дураки-соседи приняли за что-то другое. – Машку понесло. – Не знаю, что им втемяшилось. Я сама на них подам за клевету. Давайте составим заявление.

– Сначала разберемся с первым делом.

Говорил только сержант. Напарник, видимо, был новичком, он только смотрел и слушал, причем – открыв рот. В ситуации вроде нашей, сразу видно, попадать ему не приходилось. Учился на ходу.

– Кроме небольшого шума мы ни в чем не повинны! – Машка победно сложила руки на груди.

Я стоял молча, прикрывая спиной прятавшуюся в полутьме Хадю. Выгораживавшая меня сестренка выглядела круто, но куда ей бодаться с правосудием. Законы до конца не знают даже те, кто их принимал. Прав тот, у кого больше прав, остальным надо полагаться на здравый смысл и умение договариваться. С замиранием сердца я ждал подходящего момента. Что предложить – пока непонятно, я не богач, а сержант не похож на вымогателя, но он – человек, а люди между собой всегда договариваются. Мысли бились в истерике, однако главное направление держали: пусть меня арестуют за что угодно, только бы не вплели Хадю.

На заявление сестренки сержант отрицательно помотал головой:

– В отношении вас, Мария Егоровна, совершено насилие, и если я не приму мер...

– Не было насилия! – вскричала Машка.

– А я уверен, что медицинский осмотр покажет обратное. Все говорит о том, что места, по которым любит лупцевать вас любимый братец, находятся в состоянии, однозначно квалифицируемом как...

– Я никуда не поеду и ничего не буду показывать!

– Мария Егоровна, это в ваших же интересах.

– В моих интересах вместе с братом остаться дома!

– Уверены? – Сержант многозначительно уставился на валявшийся ремень.

– Не представляете, с каким удовольствием я сдала бы Саньку вам со всеми потрохами за все издевательства со времен, когда я еще говорить не умела, но он мой брат, а говорить я уже научилась. Читайте по губам: не-е-ет! Если и это непонятно, объясню на пальцах, причем на одном, среднем.

– Александрий Егорович поедет с нами в любом случае, будете вы писать заявление или нет, поскольку имеются свидетели...

Эмоции сестры горохом отскакивали от стены уверенности в правоте дела, которое творил сержант. Дело плохо. Пора вмешаться, пока не стало хуже.

– Я так понимаю, что если Маша откажется ехать, вы все равно заберете меня? Одного? Поехали.

– Саня, ты что?! – Машка схватилась за меня как утопающий за уплывавшую лодку. – Тебя же посадят в тюрьму!

– Разберемся. Ты пока звони родителям, расскажи, что произошло, пусть вызывают лучшего адвоката, такого, чтобы объяснил ребятам в погонах, что такое хорошо и что такое плохо и чем насилие отличается от воспитания. – Войдя в роль, я указал сестренке на Хадю. – Скажи, что есть свидетель моей невиновности, он подтвердит, что представители власти принуждали несовершеннолетнюю к даче ложных показаний.

Козырь нашелся сам собой. Когда я начинал говорить, о концовке даже не думалось, за меня говорило нечто свыше.

Теперь есть, что обсудить с полицейскими для поиска взаимовыгодной развязки. Хадя, конечно, подтверждать не пойдет, и никаких «лучших адвокатов» родители не найдут, кроме самого дешевого, но оппоненты этого не знают.

Машка вдруг бросилась к сержанту, отчего он автоматически схватился за оружие.

– Господин сержант, простите Саню, он больше не будет!

– Не будет? – Сержант вздохнул. – Будет, уважаемая Мария Егоровна, поскольку без повода вы его не оставите. Зная вас и зная его...

– Ну простите же его, что вам стоит? – Машка упала перед сержантом на колени и попыталась схватить и обнять ноги в форменных штанах, отчего тот едва увернулся. – Пожалуйста! Никому не будет лучше, если вы его заберете!

Халатик на ней едва держался, вид сверху сержанту открывался замечательный.

– Маша! – Я сурово сдвинул брови.

Мне прилетел ответный взгляд, полный укоризны, затем сестренка поднялась и с недовольством затянула пояс. Черт подери, она что же, специально это устроила?!

Улыбка не сходила с лица сержанта, только из устало-добродушной она стала хитрой:

– Вы сказали «больше не будет». То есть, признаете, что брат вас бил?

– Не бил! И в городе вам только показалось! Да пусть бы он только попробовал ударить!

– Если вы, Мария Егоровна, фактами докажете мне, что на вас нет следов побоев, мы извинимся и немедленно уйдем.

Установилась тишина. Напарник смотрел на сержанта как на бога. Машка застыла в ступоре.

– Товарищ сержант, вы много на себя берете. – Я понял, что терять нечего. – Ваше требование можно понять как приказ несовершеннолетней раздеться.

– Не согласен, о подобном речи не идет. – Улыбка Старомоева переросла в торжествующую усмешку. – Я прошу предоставить доказательства, а если их нет, то проследовать с нами. Ничего более.

На заднем плане тихо сходила с ума Хадя. Машка бурлила, но без толку – все, что ни придумается, будет не в нашу пользу. Вдруг ее лицо просветлело.

– А если мне нравится, когда меня бьют? – выпалила она. – Если я мазохистка, и сама прошу, чтобы меня били?

Хадя охнула, у новичка-полицейского заблестели глаза, сержант потер руки.

– Это меняет дело, – сообщил он. – Предлагаю провести следственный эксперимент. Если потерпевшая докажет, что действия, аналогичные тем, которые совершил ее брат, являются для нее приятными и желанными, обвинениям не останется места. Кто бы устоял перед соблазном и смог отказать такой красавице, если она попросит, правда же? Вы готовы доказать свои слова, Мария Егоровна? – Сержант потянулся за лежавшим на полу ремнем.

Ну и пройдоха. Будь я адвокатом, он бы у меня на годы загремел лес валить. Сержант видел нашу неподкованность в юридических вопросах, и его игра велась в одни ворота. По горло сытый угрозами от людей намного серьезнее нас, он ничего не боялся и, по-моему, искренне развлекался.

Ситуация патовая. Допустить такое с сестрой нельзя, но она сама себе хозяйка, и если решила отстаивать меня до последнего, остановит ее лишь конец света. И то ненадолго.

Если после всего, что с Машкой сотворил я, ее коснется хоть один удар, она заорет на весь город. Ей не сохранить улыбки, не построить на лице что-то вроде спокойствия или блаженства, в общем, не сыграть роль, за которую берется. Для успеха нужно много больше, чем просто желание. И главное: я не хочу, чтобы сестра открылась перед посторонним мужиком. Масляный взгляд, который видел уже достаточно, просто раздевал ее. Как же теперь понимаю Гаруна и его чувства к сестрам и тем, кто к ним пристаёт.

– Эксперимента не будет, – сказал я.

– Саня!

– Маша!

– Саня, плохая девочка совершила нехорошие поступки, за это ее нужно наказать.

Она яростно пыталась меня спасти. Побитая мной. Опозоренная. Конечно, побита Машка за то, что опозорила себя сама, но ситуация выглядела такой лишь для меня. С точки зрения Машки все обстояло с точностью до наоборот: ведущий развеселую жизнь лицемерный брат-ханжа применил силу, чтобы наказать более слабое существо за гораздо меньшие грешки. А кто из нас без греха? То есть, судьи – кто?!

Бросьте в меня камень, у кого в голове не водилось тараканов, которые периодически не выбегали бы за отвесную стенку морали. А ведь мораль, которой мы придерживаемся на словах, говорит: «Если твое око соблазняет тебя, то вынь его и отбрось» и «Кто смотрел на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Вот и спрашиваю: а судьи-то – кто? Чем я, взявшийся судить, лучше других? Возможно, я даже хуже. Я учу жизни других, а сам делаю по-другому.

Как же мне повезло с сестренкой. И как же ей не повезло с братом. Если отбросить частности, то Машка – просто ангел. А смотреть всегда нужно в суть. «Друг познается в беде» – так утверждает народная мудрость. Это истинная правда, проверенная мною не раз. Добавлю: родственная любовь тоже проявляется лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Хочешь узнать, как к тебе относится человек – дождись смертельной угрозы (внимание, необходимая ремарка: опасно для жизни, самостоятельно не повторять, трюк исполняли профессиональные каскадеры).

Впрочем, иногда за любовь принимают корыстный интерес. Хорошо иметь такую сестру, которая любит меня просто за то, что я – вот такой, несносный, несправедливый, со всей кучей недостатками – есть на белом свете.

Я ради нее тоже готов на все. Если нужно – брошусь в драку с полицейскими, если они позволяют себе нечто большее, чем слова. А могу и за слова. Когда терпение кончится.

Но терпение мое будет долгим. За спиной – Хадя.

Сердце разрывалось.

А Машка продолжала меня спасать. Но как бы ни хорохорилась, ей не выдержать настоящей порки. У меня, как брата, был сдерживающий фактор, поэтому организм перестраховывался с регулировкой мощности и бил в неполную силу, От сержанта, судя по предвкушающей физиономии, такого не дождешься. Просить – унижительно. К тому же Машка заявила, что ей нравится боль. Сержант непременно захочет сделать девушке приятно.

– Саня, это шанс, мы не можем его упустить. Правда, товарищ сержант? Или правильнее все же «господин сержант»?

Старомоев кивнул:

– В любом случае это сыграет в вашу пользу. Мы же люди, все понимаем. Если идут навстречу нам, то и мы. А обращаться можете, как сочтете нужным, хоть по имени. Если что, меня зовут Прохор, напарника – Антон. А поскольку мы сейчас вместе с вами ищем способ максимально законно обойти закон, то я и напарник как бы не при исполнении, прошу это учесть.

– Господин сержант. Прохор. – Соблазнительной походкой Машка прошествовала к полицейскому и остановилась впритык, едва не касаясь. – Пусть меня снова накажет брат.

Устремленные книзу глазки мило моргнули, умоляющее выражение одновременно вышло завлекающим и немного заискивающим. Любой мужик на месте сержанта растаял бы и поплыл. Прохор Старомоев оказался не любим.

– Это сведет на нет чистоту эксперимента. – Его губы растянулась в ласковой улыбке нациста, приглашавшего деток в газовую камеру. – Если вам, Мария Егоровна, нравится именно брат и радость приносят издевательства исключительно в его исполнении, то для Александра Егоровича и участвовавшей в качестве пособника подружки в уголовном кодексе имеется другая статья...

Что сделал бы Гарун, если бы так разводили его сестру?

О, как же все просто. Не нужно разговоров. Нужны действия. Поведение Гаруна – лакмусовая бумажка того, что должен сделать в таких случаях настоящий мужчина и каких поступков подсознательно ждет от меня Хадя. В результате она пострадает. Но иначе она потеряет ко мне уважение, я перестану быть в ее глазах мужчиной. Мужчина – тот, кто отвечает за своих женщин. Мадина должна была стать второй женой, но даже становясь второй, она знала, что муж не предаст ее, не отдаст на поругание.

На душе посветлело. Когда Машка, решившая любой ценой спасти меня от тюрьмы, возьмется за пояс халата, я прыгну на сержанта. Пусть забирают за нападение. Я поступлю как мужчина.

Игравший в соблазнение и, в то же время, испуганный взгляд сестренки вдруг обрел осмысленность:

– Прохор... Господин полицейский, вы же разрешили к себе так обращаться?

– И, кстати, можно на ты.

Я напрягся. На сжатых кулаках проступили готовые к удару побелевшие косточки. Чего еще удумала, негодница? Несомненно, снова какую-то пакость.

Нет, халат остался на месте. Все ошалело пронаблюдали, как сестренка взяла телефон, экран вспыхнул, пальцы полезли в меню.

– Прохор, пару минут назад ты сказал: если Мария Егоровна докажет, что на ней нет следов побоев, вы извинитесь и уйдете. – Машка, по-детски упомянувшая о себе в третьем лице, сунула экран под нос сержанта. – У Марии Егоровны есть доказательства. Фотографии сделаны сегодня, внизу автоматически проставлялись дата и время, а в электронном виде можно увидеть остальные данные и подтвердить, что фотошопом не пользовались. Смотрите, это – утро, мы мило беседуем с братом, на которого вы так ополчились. Я счастлива. Как думаете, была бы я такой, если бы он издевался надо мной и бил меня? – Вопрос был риторический, Машка продолжила листать и комментировать. – Это мы с братом в городе. А это вы с другим напарником.

Бровь сержанта поползла вверх:

– Когда успела?

– Вы с Санькой беседовали, я разговаривала по телефону и заодно щелкнула вас и все, что вокруг. Смотрим дальше. Это мы с Санькой ходим по магазинам. Дальше Саньки нет, потому что ко мне приехал парень. Это он. А это мы с ним.

Лицо сестренки залилось краской, но она не сводила глаз с полицейского, пока тот рассматривал подробности.

– Место знакомое, – хмыкнул сержант. – Там же, да?

– Ничего другого мы не нашли, везде полно любопытных. Не город, а проходной двор. Удобный закуток за свалкой деревянных поддонов я присмотрела, пока вы говорили с братом, выше была фотография этого прохода между штабелей. Если бы Санька не спешил с моим воспитанием, а сначала осмотрелся и выбрал местечко поудобнее, фиг бы вас кто вызвал.

Сержант взгляделся в последний снимок.

– Приблизь. Я про лицо. Твой парень, говоришь? А это, случайно, не он сломя голову несся со двора, когда мы подъезжали?

– Он. Так получилось, что брат нас застукал. Господин сержант... Прохор... Только я одна во всем виновата. Если нужно кого-то арестовать, то арестуй меня.

– Я бы с удовольствием, но тебя не за что. Ты потерпевшая.

– Нет! – Машка замотала головой. – Я подставила брата своим поведением, значит для закона потерпевший – он! Но это неважно, ведь нужно предъявить вам отсутствие следов? – Она пролистала в конец папки. – Последним кадрам меньше получаса, и вот, пожалуйста, никаких следов. Правда ведь, очень хорошо видно: ни-ка-ких!

На ее щеках можно было кипятить чай, однако дерзкий взгляд продолжал жечь полицейского.

Сержант задумчиво покусал губы.

– Значит, вот за что братец решил ремнем воспитать. Маша, я понимаю тебя, но теперь еще больше понимаю его. У меня тоже есть сестра. И у Антона есть. И не одна.

Напарник сержанта, молча заглядывавший тому через плечо, кивнул.

Дело, казавшееся проигранным, покачалось на краю пропасти и медленно поползло обратно. Я затаил дыхание. Готовые к последнему броску мышцы расслабились, в мысли вернулось выброшенное за ненадобностью понятие будущего.

– Всего этого, – Прохор отобрал телефон и принялся листать сам, – могло не быть, если бы ты вела себя скромнее или хотя бы умнее. Брат – мужчина, он обязан тебя защищать, а это, – палец сержанта ткнул в один снимков, – прямая угроза семье, ее безопасности и репутации. Поставь себя на место брата и подумай.

– Подумала, потому и защищаю. Я прекрасно понимаю его, несмотря на то, что он не понимает меня. – Машка попыталась вернуть телефон, но сержант отвел ее руку и вновь уставился в экран.

– И сильно он тебя за это? – Лицо полицейского покосилось на Машку в район ее спины.

Вопрос – провокация! Если Машка подтвердит, что да, добрый полицейский снова превратится в злого, и событийная спираль пойдет на второй круг.

А если он попросит показать...

Я ощутил, как ногти вновь прикончили линию жизни в сжавшихся кулаках.

Машенька, умница, бросила:

– Как заслужила.

– Если несильно, то однозначно заслужила. – Антон что-то шепнул Прохору, тот кивнул и продолжил. – Если же последствия потребуют медицинского вмешательства, то брату грозит статья вне зависимости, прав он или виноват. Для закона любой преступник – преступник, а преступник должен сидеть, мы ничего поделать не сможем, даже если душой будем на его стороне. Все же, придется вам всем проехать с нами. Я уверен, что все образуется, но закон есть закон. Обнаружатся тяжкие последствия – тогда Александрий уедет далеко и надолго, нет – мы принесем извинения, и можете возвращаться к прежнему веселью, в связи с которым нас то и дело вызывают. Собирайтесь, Мария Егоровна и вы, девушка, а Александрию Егоровичу, извините, придется...

Сержант потянулся к поясу за наручниками, губы его изображали загадочную улыбку Джоконды, а глаза выразительно глядели на женственные обводы под халатиком, где, как полицейские уже знали, другой одежды нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.